

АРТЕМ МАРТ

ПОГРАНИЧНИК

НА АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

18+

Артём Март

**Пограничник. Том 1:
На афганской границе**

«Автор»

2025

Март А.

Пограничник. Том 1: На афганской границе / А. Март —
«Автор», 2025

Я был офицером ВДВ и старость решил встретить простым егерем. Но погиб на спасательной операции и попал в... СССР! В день, когда уходил в армию, в год, когда потерял младшего брата. На дворе октябрь 80-го. Советская армия воюет в Афгане. Я снова молод и полон сил, а мой брат пока жив. И чтобы спасти его, я должен стать пограничником на афганской границе._____Имена, названия некоторых мест и некоторые обстоятельства намеренно изменены автором в художественных целях.

© Март А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артём Март

Пограничник. Том 1: На афганской границе

Глава 1

Апшеронский район. Апрель 2024 года. Российская Федерация

- Тихо, – шепнул я, – опусти карабин.
- Он щас к нам пойдет, – вскинув свою «Сайгу», напряженно проговорил Сергей.
- Тихо, говорю. Может, мимо протопают.

С этими словами я положил руку на ствол «Сайги», заставил Сергея медленно направить оружие в землю.

В кустах шуршало и хрустело. Крупное черно-бурое животное медленно продиралось сквозь них, хрипя и порывая. Это был медведь.

– Павел Степаныч, он к нам лезет, – тихо сказал Сергей и отступил, едва не поскользнувшись на зеленом мху, устелившем каменистый выход породы, выглянувший из земли среди стволов высоких деревьев.

- Это подросток, – возразил я. – Краснокнижный.
- А если он нас порвет?!
- Не порвет.
- Я в воздух шарахну!
- Тихо, – осадил я занервничавшего Серёгу.

Медведь и правда пробивал себе дорогу сквозь спутанные кусты низкорослой чащи. Когда он встал на задние лапы и с хрустом проломил сплетенный диким виноградом молодняк акации, то предстал перед нами во всей красе. Не самый крупный из тех, что я видел, медведь был худым. Молодая особь еще не оправилась от зимней спячки. Вполне возможно, первой самостоятельной спячки в своей жизни.

Серёжа испугался, когда зверь снова встал на задние лапы, показав нам широкую грудь.

– Без паники, – тихо сказал я, – и без резких движений. Он боится нас сильнее, чем мы его.

Сергей ничего не ответил, он только крепко сжал «Сайгу», которую я все еще не давал наставить на животное.

Медведь между тем тяжело опустился на четвереньки. Зверь смотрел своими черными бусинами глаз прямо на меня. Потом он сделал валкий шаг в нашу сторону. Серёжа вздрогнул.

- Я его сейчас застрелю, – прохрипел он тихо.

Ничего не ответив, я только шикнул ему. Аккуратно вышел чуть вперед, навстречу медведю. Тот застыл, не спеша делать следующий шаг. Я внимательно всмотрелся в звериную морду животного. Заметил бледный шрам, пересекавший ее над самым носом.

- Трехлетка, значит, – прошептал я, – а я тебя знаю. Ну привет, Пацан.

Несколько мгновений мы с медведем так и стояли напротив друг друга. Вдруг, схватив ружье словно палку, я вскинул его над головой. Медведь испуганно вздрогнул. Я же громко крикнул. Подросток отскочил обратно к кустам. Когда я рванулся к нему, чтобы напугать, зверь тут же поторопился скрыться в зарослях, уходя в чащу.

Я видел, как его черная грузная фигура замелькала среди деревьев. Он тяжело бежал вверх по лесистому склону, уходя к вершине горы.

- Ну вот и все, – проговорил я ему вслед, – ты давай, не болей там больше.

Вспотевший Сережа опустил карабин, оперся о колени, переводя дыхание. Потом выругался матом.

– Я думал, вы, Павел Степаныч, просто перестраховывались, когда говорили, что поисковой группе нужны вооруженные люди.

– Конец апреля. У медведей скоро гон начнется, – ответил я, все еще провая взглядом молодое животное, – тут может быть опасно. Но это не значит, что надо палить куда попало. Ну как ты? Отошел?

– Чуть в штаны не наложил, – признался Сергей, ставя «Сайгу» на предохранитель. – А как вы не испугались? А что, если бы он на вас кинулся?

– Не кинулся бы. Это первые раз пять страшно. Потом привыкаешь.

Молодой медведь, которого я видел еще медвежонком, скрылся среди деревьев. Ушел куда-то на вершину.

Когда мы встречались с ним в первый раз, он ходил в компании медведицы и своего брата. А еще был ранен. Видимо, их семейство нарвалось на крупного самца, и тот попытался убить детенышей, чтобы спариться с медведицей.

Мать увела медвежат подальше от буйного кавалера, туда, где живут люди. Мудрая медведица знала, что самец не решится идти к ним. А она, чтобы спасти своих медвежат, решилась. Там, под поселком Афипский, мы и встретились.

– Пойдем. Раз уж Пацан забрался и сюда, Аню нужно найти как можно скорее.

– Пацан?

– Это я про медведя. Кличка у него такая.

– Вы, что ли, дали?

– Я. Ладно, поторопимся. Нужно отыскать девчонку.

Поисковые работы шли полным ходом. Я видел, как над верхушками могучих дубов кружил спасательный вертолет.

Девочка по имени Аня потерялась утром, примерно четыре часа назад. Ее отец, выживальщик-любитель, притащил всю свою семью в лес на выходные, чтобы попочевать в палатках. Да только за девочкой не уследил.

Поисковую группу собрали быстро. Ее возглавлял начальник местного МЧС. Лесничество подключилось к мероприятиям, послав нескольких лесничих, работавших на этом участке. Среди них был и я. Также нам помогали волонтеры, цепочками бродившие по горе.

– Чертовы поисковые собаки, – пробурчал Сережа, парень лет двадцати пяти. – С ними больше проблем, чем пользы. Тянут каждая кто куда. Вот группа и разбрелась по всему склону.

Когда кончился контракт Сергея, он вернулся из армии и почти сразу устроился к нам в лесничество. Где именно служил Сережа, он не рассказывал. Да я и не спрашивал особо. Сергей был новичком. Трудился у нас с начала весны.

– А чем они тебе не угодили? – спросил я, опускаясь к кустам и осматривая сломанную веточку.

– След потеряли, теперь хрен знает, где девчонку искать.

– С их помощью мы сократили зону поиска до полутора квадратных километров. Этого достаточно. Я думаю, найдем ее часам к трем дня.

Я прислушался. Где-то выше по склону звучали крики волонтеров, звавших Аню по имени. Сережа, тоже услышав это, задрал голову.

– Слышите? – спросил он.

– Слышу.

– Наверное, она тоже должна. Чего ж не идет на зов? – заметил Сережа.

Я же опустился ниже к земле. Увидел у самых корней кустарника характерным образом примятую лесную подстилку. Если приглядеться, на сырой почве, в которую вмялась сухая листва, можно было даже разобрать рисунок подошвы. Судя по размеру отпечатка, он принад-

лежал ребенку. Девочка тут проходила. Я быстро смог разобрать линию следов и направление движения. К несчастью, ниже по склону начинался каменистый участок, где следы уже вряд ли можно было разобрать.

– Не идет, потому что напугана, – проговорил я, поднимаясь, – ребенку одиннадцать лет. Мы с Сережей переглянулись.

– А может быть, она попала в беду, – добавил я. – Нужно быть готовым ко всему.

Сергей только сглотнул.

– Кажется, я нашел следы. Пойдем ниже, Сергей.

– Но там дальше перевал. Он крутой, мы не пройдем. Да и линии электропередач там тянутся. Окажемся без связи, – возразил Сергей.

– Девочка может быть как раз на перевале. Внизу проходит автодорога. Наверное, она услышала шум машин и пошла на звук. Свяжись с главным группы. Пусть направят вертолет пройти над перевалом.

Шедший за мной Сережа подотстал, коснулся рации, закрепленной на лямке рюкзака. Стал говорить с эмчээсовцами.

– Вертолет ушел, – сказал он, догоняя меня, – на дозаправку. Будет только через полчаса.

– Тогда проверим сами.

– Павел Степаныч, – вдруг сказал Сережа, идя за мной след в след, – а почему вы на старости лет решили в лесничество пойти? Работа-то, как я вижу, не самая простая.

– А чего это ты спрашиваешь? – обернулся я.

– Ну... Почти все ребята у нас молодые. А кто постарше в конторе сидят, бумажки перебирают. Один вы до сих пор по участкам ходите. Да только я уже сам испытал, как это непросто. А вам, видать, и подавно. Кстати, сколько вам? Лет шестьдесят?

– Шестьдесят один.

– Ну вот. Не хочется вам место поспокойней найти?

– Нет, Сережа. Не хочется.

М-да... Хотя болтать с Сережей мне не особенно и хотелось, я его понимал. После смерти супруги, моей Наташи, с которой прожили мы душа в душу больше тридцати лет, я решил, что от всего устал.

Дети выросли, у них теперь свои семьи, внуки у меня растут. А мне наконец захотелось покоя. Вернее, я наконец смог его себе позволить. Решив, что работа егерем в глухих лесах Апшеронского района принесет мне этот самый покой, я не ошибся. И душа, и разум отдыхают, когда ты обходишь свой участок, оставаясь наедине с природой. Да и физические нагрузки позволяют мне держаться в неплохой форме. Будто бы тормозят подходящую старость.

– А я вот уже подумываю поменять работу, – пробурчал Сергей. – Когда служил, думал, кончится контракт, так подыщу себе что-нибудь поспокойнее. Устал. А теперь жалею, что с пограничных войск уволился. Тут, в лесничестве, че-то тоже не сахар.

– Ты служил на границе? – заинтересовался я.

– Угу. Казахской. В Оренбургской области. Один из местных пунктов пропуска охранял.

– Пограничник, значит.

– Ну, можно и так сказать, – робко улыбнулся Сережа, когда я к нему обернулся. – А вы что, тоже?

– Нет.

– А где служили?

– ВДВ.

Помотало меня неслабо. Вышло так, что призвался я осенью восьмидесятого года. Призвался вместе с младшим братом Сашей. Еще со школы знали мы, что оба попадем в пограничные войска. Сашку тогда очень расстроила эта новость. С детства он хотел служить в воздушно-десантных войсках. Быть как наш с ним уже покойный дядька Мишка. Но потом брат

свыкся с этой мыслью и даже мечтал, что мы с ним станем служить на одной пограничной заставе. Правда, судьба-злодейка распорядилась иначе.

На девятке, сборном пункте Краснодара, все поменялось, как только появились офицеры «покупатели» из разных родов войск. Тогда Саша отправился на границу. Меня же почему-то отобрали как раз в воздушно-десантные войска. Это было неожиданностью для нас обоих. Причин, как водится, никто не объяснял.

Второй неожиданностью стало то, что оба мы оказались в Афгане, только он по эту сторону границы, а я по ту. В переписке думали мы, что, может быть, даже сможем когда-нибудь увидеться. Да встречи так и не вышло.

– Ого, – удивился Сережа. – Ну, теперь понятно, чего вы такой крепкий.

– Всякое бывало в жизни, – немногословно ответил я.

– А я, если честно, подумал, что вы тоже пограничник. Вы так удивились, когда я про себя рассказал...

– Нет, не пограничник, – я аккуратно спустился по крупному валуну небольшого скального обнажения, выглянувшего из-под корней массивного дуба, высящегося над нами. – Брат был пограничником.

– Надо же, – разулыбался Сережа. – У вас брат есть? А он где сейчас?

Я обернулся, заглянул в глаза Сереже так, что он даже замялся.

– Мой брат пропал без вести на афганской границе. Уже больше сорока лет он считается погибшим.

– Извините, – буркнул Сергей после краткого молчания.

– Ничего. Ладно. Поторопимся.

Мы спустились еще ниже по склону. Закончились высокие лиственные деревья, закрывавшие чуть ли не все небо. Их место заняли низенькие акации, орешник и дикие яблони.

Вдруг Сергей отстал, рация на его подвесе зашипела статикой.

– Да, слушаю, – отозвался он.

Я обернулся, поправил ремень своего сорок седьмого ИЖа, висевшего на плече. Быстро проговорив что-то по рации, Сережа приблизился.

– Говорят, на соседнем участке собака взяла след девочки. Нужно больше людей, чтобы прочесать местность. Нас вызывают туда.

– Ты сказал им, что мы и сами нашли следы?

– Сказал, но они собакам больше доверяют, чем нам, – пожал плечами Сережа.

Я на миг задумался.

– Хорошо. Иди. Передай им, что я остался тут. Хочу кое-что проверить.

– Но вы же останетесь без связи. На перевале рации не работают.

– Иди-иди. Нормально все будет. Я быстро.

Не решившись мне возразить, Сергей неуверенно кивнул, поправил «Сайгу» и как-то нехотя направился вверх по склону.

Я же продолжил спускаться ниже, пока не добрался до плосковатой опушки леса. Сильные ветра, приходящие с Черного моря, старательно вылизывали эти места почти девять месяцев в году. Потому тут, на вершине перевала, растительность скудела, переходя в низкий травяной ковер, а потом и вовсе уступала место голым камням.

Я прошел к краю невысокой скалы, присел и внимательно осмотрелся. Судя по следам, Аня направлялась именно в эту сторону. Отвесная скала с немногочисленными ступенями внизу переходила в высокую осыпь, укрепленную вдоль серпантина стальной сеткой и каменными блоками.

Внезапно я услышал звук осыпавшихся камней. Крупный валун, увлекая за собой мелкие камушки, покатился вниз, к дороге. Это случилось где-то слева, немного за моей спиной. Я

тут же обернулся на шум. Заметил, как внизу, между белых скальных выступов, мелькнуло что-то ярко-красное.

– Аня, – прошептал я и тут же встал.

Я быстро направился к тому месту края перевала, под которым сошли камни. Оказавшись где надо, я подошел к обрыву, присел, глянув вниз. Почти сразу я наткнулся на испуганный Анин взгляд.

– Аня, – тут же позвал я, – все в порядке, я из поисковой группы. Меня зовут Пашей.

Чумазая светловолосая девчонка, одетая в красную толстовку и джинсы, стояла на узкой скальной ступени и глядела на меня красными от слез глазами.

Когда новый камень откололся и покатился вниз, стало ясно, что хрупкая ступень с трудом выдерживает вес маленькой девочки. Мои догадки подтвердило и то, что истончившийся краешек ступени тут же отправился вслед за камнем.

– Помогите, – пискнула Аня, испуганно прижимаясь грудью к полосатым пластам горной породы.

– Сейчас. Стой спокойно и не двигайся. Я спущу тебе веревку. Сможешь подняться?

Девочка покивала.

– Хорошо.

Достав из кармана брюк рацию, я щелкнул кнопкой. Попытался вызвать остальных и сообщить, что девочка нашлась. Однако ответом мне стали одни только радиопомехи.

– М-да... – протянул я, глядя на большие линии высоковольтных проводов, тянущиеся по горе в нескольких сотнях метров от нас.

Связи не было. Придется справляться своими силами.

Я торопливо снял рюкзак, достал оттуда моток альпинистской веревки, которую взял с собой на подобный случай.

– Аня, послушай.

Девочка вскинула голову, уставилась на меня.

– Мне нужно вернуться немного назад, чтобы найти, где закрепить веревку понадежнее. Я тебя не бросаю. Ты теперь не одна, поняла?

Девочка покивала.

– Хорошо. Вернусь через минуту.

Бросив ружье и рюкзак у обрыва, я побежал к опушке, нашел крепкий ствол упавшего дерева и закрепил вокруг него канат. Потом тут же направился к краю перевала.

– Ну как? Держишься?

– Да.

– Очень хорошо. Слушай внимательно. Сейчас я спущу тебе веревку. Сможешь обвязаться? Тогда я подниму тебя вверх.

Аня торопливо покивала, и я стал спускать трос. Когда он достиг девчонки, та схватила веревку, отошла от скалы, и из-под ступени тотчас же покатались новые камни. Край ее снова осыпался. Девчонка пискнула, бросила трос и прижалась обратно к скале.

– Я не могу... Я... я упаду! Подо мной сейчас все обвалится!

Видя, что девочка в панике, я понял, что сейчас она ни на что не способна. Придется идти другим путем.

– Все будет хорошо, – спокойно сказал я, не теряя с ней зрительного контакта. – Слышишь? Под тобой ничего не обвалится. Ты никуда не упадешь. Я тебя вытащу. Поняла?

Глаза девчонки снова покраснели. Слезки побежали по грязным щекам, прокладывая себе белые дорожки.

– Очень хорошо.

Итак, что мы имеем? У меня было два варианта: идти за помощью или идти за девочкой. Оба одинаково рискованные. Если оставлю девочку одну, решив вернуться к группе, хрупкая

ступень под ней может обвалиться. Тогда она погибнет. Если пойду за Аней сам, ступень может не выдержать мой вес.

Размышляя, я встал.

– Дядь Паша, – вдруг подала голосок Аня. – Пожалуйста, не бросайте меня одну. Я очень боюсь и хочу к маме с папой...

– Не брошу, – решил я. – Стой спокойно. Сейчас я спущусь за тобой.

Глаза девочки наполнялись страхом.

– Мы упадем! Тут все обвалится!

– Не обвалится. Я обещаю, что вытащу тебя.

С этими словами я вернулся к пню. Распутал веревку. Разделил ее ножом, получив две веревки: одну покороче, другую достаточно длинную. Даже с избытком. Короткую приладил к пню, так, чтобы получить петлю. Длинную же продел в эту петлю, предварительно связав на свободном конце стремена, чтобы можно было пропустить в них ноги.

Дело это непростое, но у меня было достаточно сноровки, чтобы справиться довольно быстро. Теперь все будет зависеть от силы моих рук. Ничего. Сдюжим.

Я вернулся к девочке, держа второй конец каната и уже закрепив ноги в петлях так, чтобы веревка оказалась чуть ниже пояса. Затем я стал медленно спускаться, потихоньку стравливая веревку и помогая себе ногами. Девочка была не очень низко. Нас разделяли четыре или пять метров.

Когда я оказался на ступени, аккуратно встал подальше от ее края, стал стягивать с себя петли. Потом мы снова услышали, как снизу посыпалось. Девочка прижалась ко мне. Заплакала.

– Все хорошо. Сейчас ты пойдешь наверх, поняла?

Она быстро-быстро закивала, прижимаясь к моей груди.

– Мама с папой меня ищут?

– Ищут, – я кивнул. Потом хмыкнул. – Скажи, а зачем ты сюда полезла?

Девочка втянула голову в плечи.

– Увидела медведя и очень испугалась. Когда он пошел на меня, то я слезла вниз, а подняться уже не смогла.

Видимо, это был Пацан... Вот зараза шерстяная. И сюда добрался, гад.

– Ничего, того медведя я прогнал. Он тебя больше не напугает. Ну что? Готова? Давай-ка, ноги вот сюда.

– Только не отпускайте! А то я упаду!

– Ни в коем случае не отпущу, – улыбнулся я. – Смотри, я стану тянуть за трос и помогу тебе забраться. Ясно?

Девочка кивнула.

– Готова?

Снова кивнула, но уже не так уверенно.

– У тебя все получится. Слышишь, Аня? Обязательно получится. Мы выберемся отсюда оба. Ясно?

– Да...

– Тогда поехали.

Насчет «раз, два, три» я дернул за веревку, а Аня полезла вверх по неровностям скалы. Ее тело почти полностью держалось на весу за счет силы моих рук. Потому девочке было не очень сложно карабкаться все выше и выше.

А вот мне, напротив, было совсем нелегко. Мышцы горели так, что я стискивал зубы, стараясь не обращать внимания на боль. С каждым движением силы уходили, а кожа на ладонях стиралась о веревку. Но я просто отбросил любые мысли о боли. Нужно было спасти ребенка. Спасти, и точка.

Внезапно непослушный камень обломился под ногой девочки, и та крикнула, отцепилась от скалы, полетела вниз. Меня дернуло так, что едва не вырвало руки из суставов. С трудом, но я удержал веревку. Да только для этого мне пришлось отклониться, расставив ноги. Край ступени немедленно обвалился, за ним последовал еще обвал, оставив чуть больше трети выступа, на котором я мог стоять.

Ломкий сланец под ногами уже не выдерживал. Я понимал, что вот-вот ступень обвалится. Нужно действовать быстрее.

Девочка пролетела не меньше метра, прежде чем я смог остановить падение.

– Все нормально! Я тебя держу! Сможешь дотянуться?

Аню раскачало на веревке, но она, хоть и не сразу, все же успела зацепиться за край скалы.

– Нам осталась пара метров, – невозмутимо сказал я. – Продолжаем.

Не слушая ее причитаний о том, что она боится и не может лезть, я просто продолжил тянуть веревку. Это снова заставило Аню карабкаться выше.

– Павел Степанович! – прозвучал знакомый голос откуда-то сверху.

– Сережа! – крикнул я. – Принимай девчонку!

Над нами появился Сергей. Видимо, он все же решил вернуться.

– Вы ее нашли!

– Быстрее! Плита подо мной вот-вот осыпется!

Сергей выпучил испуганные глаза. Остолбенел, когда услышал мои слова. Парень просто впал в ступор, не совсем понимая, что ему делать.

– Хватай веревку и тяни!

Будто очнувшись от транса, он все же схватил трос, стал вытягивать Аню. Той даже не пришлось карабкаться, так быстро пошло дело. Уже спустя секунду Сергей схватил девочку и втащил ее наверх. Повременив несколько мгновений, оба они, усталые, переводя дыхание, глянули на меня.

– Дядь Паш! Хватайте веревку, – крикнул Сергей. – Я вас вытащу!

– Да! Мы вас вытащим! – поддакнула ему девочка.

– Не сомневаюсь, – ответил я с улыбкой.

Плита обрушилась внезапно. Я хотел было схватиться за веревку, но от первого удара о камни, казалось, у меня отнялись руки. В одно мгновение перепутались земля и небо. О скалу меня било так, что после второго удара я перестал чувствовать тело. Мысли, ощущения, боль – все это смешалось в какую-то кашу.

Оказавшись на дне перевала, я понял, что еще жив. И даже удивился этому. Передо мной открылось широкое синее небо. Вертушка хлопала где-то вдаль своими лопастями.

«Вовремя», – подумал я про себя и даже захотел ухмыльнуться, но не смог. Не было сил.

– Павел Степанович! – кричал сверху Сергей. – Павел Степанович!

Крик его звучал так, будто бы доносился откуда-то из-под воды. Сергея я уже не видел. Не было боли, не было страха. Лишь спокойствие и... умиротворение. А потом пришла и темнота.

Сборный пункт «Девятка», город Краснодар. Октябрь 1980 года. СССР

– Паш, Пашка! Вставай давай!

Я вздрогнул, когда какой-то знакомый голос меня позвал. Звучал он будто бы издали, словно со дна глубокой ямы.

– Пашка!

Я зашевелился. В нос тут же ударил неприятный запах несвежего белья и застарелого пота. Вокруг гомонили многочисленные голоса. Звучала шумная суэта. Я разлепил глаза. Пер-

вым, что я увидел, был высокий беленый потолок. Холодным светом горели трубки ртутных ламп. Я сощурился, прикрыл глаза от неприятного свечения.

– Всех поднимают! Давай!

Первые несколько мгновений я не понимал, что происходит. Я где-то лежал, а вокруг что-то происходило. Вот и все. Грешным делом, я даже подумал, что нахожусь в больнице. Много на это указывало: койка, в которой я проснулся, белый потолок, какая-то неразбериха, бурлящая вокруг.

Однако в теле, после такого серьезного падения, не было боли.

«Вот зараза, – подумалось мне, – что, шею свернул и остался живой? Потому и тела не чувствую? Да лучше б помер, и все тут».

Мысли были тяжелыми и текучими, словно кисель. Даже их приходилось преодолевать. Неожиданно в голову мне пришло кое-что другое:

«Что это за смутно знакомый голос, что меня зовет?»

Я попытался подняться, почти уверенный, что у меня не выйдет, и к собственному удивлению... поднялся. Во всем теле почувствовал я такую легкость, которой не ощущал, наверное... много-много лет. Что за черт?

Когда глянул на человека, что звал меня, сонливость тотчас выветрилась из моего сознания. Голова словно бы разом прояснилась.

На меня смотрел... Я сам. Только совсем молодой. Такой, каким я был в восемнадцать лет. У меня были светлые, стриженные единичкой волосы, резкие, правильные черты лица и внимательные голубые глаза, в которых вовсю плясали задорные искорки. Такие бывают у беззаботных, молодых душой и телом людей, что только недавно вступили на путь тяжелой взрослой жизни.

А потом пришло осознание

– Сашка... – протянул я хриповато.

Это был совсем не я, а мой погибший брат-близнец по имени Саша. Это он заглядывал ко мне, на второй этаж нар. Рассматривая меня, он удивленно приподнял брови.

– Пашка, ты чего? – спросил он. – Как с луны свалился!

Глава 2

Я тут же принялся озиаться по сторонам. В огромном помещении, наполненном десятками железных двухэтажных нар, сустились люди. Многочисленные молодые парни лет по восемнадцать быстро одевались: натягивали штаны, свитера и нательные майки, торопливо возились с рубашками.

У входа стоял... Прапорщик. Невысокий, полный и усатый, он то и дело подгонял ребят криками:

– А ну быстрее! Быстрее, кому сказано?! Стройся!

– Паш, да чего ты возишься? Вместе ж по шее получим! – крикнул Саша, натягивающий штаны.

Я тут же глянул на брата. Он был жив. Жив и... молод. Совсем еще пацан, и полгода нету, как исполнилось восемнадцать. Именно такой, каким я его запомнил. Такой, каким был и я в молодости...

От удивления я даже выматерился про себя. Голос мой, с годами погрубевший и приобретший старческую хрипотцу, вдруг прозвучал высокогато и моложаво. Это был голос молодого человека.

Я спрыгнул с нар, а потом, чтобы убедиться, что Сашка настоящий, а все это не какой-то предсмертный сон, хлопнул его, нагнувшегося завязать ботинки, по спине. Спина оказалась вполне материальной.

– Чего? – Брат вскинул голову и вопросительно посмотрел на меня.

– Сашка... – протянул я, заглядывая в глаза своему снова живому брату.

– Да чего? Одевайся, блин! Прапор у нас злобный, как собака!

Первым порывом было тут же кинуться к брату. Обнять его чуть не до хруста во всем теле. Это ж Сашка! Живой! Это мой брат, с которым мы вместе учились ходить и говорить, вместе отправились в ясли. Вместе чесали кулаки о дворовых пацанов, прикрывая друг другу спины.

Пусть в армии я встретил много отличных ребят, ставших мне почти родными, но никогда в моей жизни не было у меня друга преданнее и отзывчивее, чем он. И вот Саня снова тут. Да как это вообще возможно?

Все же холодный рассудок, с которым я давно уже привык подходить к любому делу, подсказывал, что что бы тут ни происходило, братание с ним введет Сашку в замешательство. Лишние вопросы у него вызовет. А как я на них отвечу, когда сам до конца не понимаю, что тут происходит?

Да и времени не было. Так что свой порыв я подавил. Вместо этого, оглядываясь и про себя дивясь происходящему, стал я натягивать и свои брюки. Ну не стоять же столбом, когда другие куда-то спешат?

Тело мое тоже было теперь иным. Если к своим шестидесяти годам я привык к ломоте в суставах, объемному животу и застарелым ноющим ранам, теперь все это исчезло. Тело оказалось поджарым и сухощавым: жилистые ноги, плоский живот, крепкие руки и крестьянская, смугловатая от кубанского солнца кожа.

Я был снова молод. Сашка снова жив. Сначала все это показалось мне каким-то глупым сном. Однако ощущения, что я испытывал сейчас, были настолько реальными, что мне подумалось: «Может, это вся моя прошлая жизнь была сном?»

Ответить на этот вопрос я пока не мог. Все: и помещение, и обстоятельства, — казалось настолько знакомым, что память сама стала мало-помалу подкидывать идеи.

Где я? Не успел я натянуть отцовский свитер, слабо пахнущий машинным маслом, как тут же все понял. Вот почему место вокруг казалось мне до боли знакомым. Все потому, что

я уже здесь когда-то бывал. Такое сложно забыть насовсем. Воспоминания об армии надолго внедряются в голову каждого мужчины, кто тогда, в советские времена, проходил эту важную школу жизни.

Я оказался на девятке. Краснодарском сборном пункте, где молодняк ждал, куда же его направят для прохождения воинской службы.

– Стройся! – скомандовал прапорщик.

Народ тут же хлынул в середину помещения, где между нарами оставили широкое пространство, навроде коридора. Там призывники стали сбегаться в беспокойную шеренгу по двое.

Мы с Сашкой тоже поторопились занять свои места.

– Чего это на тебя нашло? – шепнул мне брат, пока не прекратилась всеобщая суета. – Не выпался?

– Да попробуй тут выспаться, – с ходу сообразил я подыграть, – ты всю ночь так снизу ворочался, что нары ходуном ходили.

– А че? Сверху лучше? Если тут останемся и на четвертый день, так давай махнемся. Мож, хоть сверху выплюсь, – недовольно заметил Саша.

На четвертый день... Точно. Нас же на девятке целых три дня держали, пока не приехали «покупатели» из воинских частей.

Выходит, сегодня третий день. Сегодня приедет майор Сапрыкин в сопровождении своего лейтенанта. Он выберет и увезет с собой пару десятков человек. Одним из них окажусь и я. А к концу недели буду уже в городе Чирчик Узбекской ССР, где начну свою службу в учебном центре пятьдесят шестой отдельной десантно-штурмовой бригады.

Бригада к тому времени уже почти год воевала в Афгане. Не пройдет и трех месяцев, как я, в составе третьего взвода стрелковой роты снайперов, тоже вступлю в афганский конфликт и стану исполнять свой интернациональный долг.

Сашка же в это самое время отправится в Таджикистан, в Московский пограничный отряд. А потом попадет в печально известную четырнадцатую заставу «Шамабад».

Это что ж выходит? Я умер, но попал... В прошлое? В тот самый день, когда решалась наша с братом судьба? В тот самый день, когда мы виделись с ним в последний раз?

Вот черт. Получается, я снова молод, снова полон сил и могу прожить жизнь заново. Это просто немыслимо! Судьба дала мне эту награду, чтобы я исправил все свои ошибки?

Я украдкой глянул на Сашку.

«А только ли свои?» – промелькнуло у меня в голове.

Прапорщик тем временем важно пошел вдоль строя. Имени его я не запомнил, однако в памяти всплыло, как мы с пацанами весело смеялись над ним в поезде, когда ехали в Узбекистан.

Таким он, этот прапорщик, показался нам неповоротливым и неловким. Каким-то растяпистым, что ли. А ведь, в сущности, был он самый обыкновенный прапорщик. Да только репутацию среди нас он создаст себе именно сейчас. Этим утром.

Я глянул на призывника, стоявшего слева от меня. Не толстый, но щекастый, этот парень глядел перед собой взглядом растерявшегося телка.

– Ты зря сумку не убрал, – шепнул ему я.

– Чего? – не понял тот.

Однако я не ответил на вопрос парня, вместо этого тихо сказал Сашке, кивнув на прапора:

– Гляди, что сейчас будет.

– Что? – удивился Сашка.

В следующий момент раздался смачный хлопок. Потом не менее смачный семиэтажный мат. Вся шеренга, как по команде, глянула на прапорщика. Тот, пыльный и грязный, поднимался с четверенек.

– Кто, мать твою, не убрал сумку?! – орал прапор, выпутывая ноги из ремня сумки, которую щекастый забыл под своими нарами.

Призывники чуть воздухом не давились, сдерживая смех.

– Было всем сказано, – не унимался прапор, – личные вещи в каптерку! Еще раз спрашиваю: кто?!

Щекастый аж побледнел.

– Чья сумка?! Выйти из строя!

Прапорщик вытаращил глаза, повел по шеренге злым взглядом.

– Если не признаешься, все у меня будете до вечера строевую чеканить!

– Слушай, – шепнул я щекастому укладкой, – лучше признайся.

Тот, не зная, куда смотреть, – прямо перед собой или на меня, – замялся.

– Да я... это... – протянул щекастый, оборачиваясь к белобрысому.

– Если промолчишь, хуже будет. Станут гонять всех. Ни себе, ни другим проблем не делай.

Щекастый втянул голову в плечи, виновато вышел из строя.

– Это мое, товарищ прапорщик, – несмело промямлил он.

Прапор с видом бешеного быка зашагал к призывнику.

– Фамилия?!

– Мамаев, товарищ прапорщик!

– Почему не убрал личные вещи в каптерку, Мамаев?!

– Так... – замялся щекастый испуганно, – так там места не было. Все уже занято.

– Занято ему! Лучше б у тебя вот тут, – прапорщик покрутил пальцем у виска, – вот тут было занято! Напра-во!

Мамаев, замешкавшись, исполнил приказ.

– Десять, нет, пятнадцать кругов вокруг казармы, бегом... По команде «бегом» руки сгибаются в локтях!

Щекастый торопливо согнул руки.

– Бегом марш!

Призывник, не успевший натянуть рубаху, неуклюже побежал вон из расположения.

– Синицын! – крикнул прапорщик старослужащему, со скучающим видом стоявшему у выхода.

– Я!

– Присмотри за ним. Да так, чтоб Мамаев все до последнего кружочка отбежал!

– Товарищ прапорщик, так у меня автобус через пять часов! Я ж сегодня все! Увольняюсь! – развел руками старослужащий.

– Отставить! Давай мне не выделяйся! Выполнять!

– Есть, – уныло сказал солдат и отправился на улицу.

– Паш? – спросил у меня вдруг Сашка.

– М-м-м?

– А ты откуда знал, что прапор на полу растянется?

Я это помнил. Помнил, потому что в прошлый раз случилось все то же самое. Я оказался в прошлом, и это было очевидно. Прошлое это развивается по тому же самому сценарию, что и тогда, в моей молодости. Впрочем, это было неудивительно. Я дал себе зарок ничему не удивляться. И тут у меня возникал вопрос: а смогу ли я это прошлое поправить? Смогу ли сделать так, чтобы мой брат не погиб? Чтобы не попал он на заставу и не сгинул там, в дозоре?

– Сумку увидел, – шепнул я, – понял, что прапор об нее споткнется.

– Да? Ну у тебя и глаз, Пашка. Орлиный прямо, – приснул Сашка в кулак.

После такого забавного «инцидента» прапорщик повел нас на плац по длинному ярко освещенному коридору. На стенах я заметил блеклые плакаты. Советские плакаты.

Один изображал светловолосого мужчину, стоящего в профиль. В руке он сжимал автомат Калашникова. На груди его красным светился значок с надписью «ДОСААФ СССР». В углу плаката красовался лозунг: «Родине служить готов!»

Следующий плакат оказался поновее. Он был посвящен Олимпиаде-80 и изображал молодых женщину и мужчину. Последний воздел над головой факел, на вершине которого, будто пламя, развевались слова: «Продолжим эстафету прославленных олимпийцев».

Каждый из этих плакатов только подкреплял мою уверенность в том, в какие обстоятельства я попал. На дворе стоял октябрь восьмидесятого года. Двадцать четвертое число. Именно в этот день за нами на сборный пункт приехали «покупатели».

А между тем мы вышли на широкий плац. За спиной, на большом здании казарм, красовалась выложенная красным кирпичом надпись: «Родина требует быть хорошим солдатом».

Было холодно. С серого осеннего неба срывались редкие снежинки. Потому прапорщик почти сразу стал нас гонять утренней гимнастикой.

Дальше мы умылись в большом общем умывальнике, представлявшем собой пару железных корыт со сливом и установленными над ними водяными кранами.

Затем пошли в столовую, которая находилась в одном с казармой здании. Широкая и светлая, она была наполнена длинными деревянными столами и лавками с тяжелым железным основанием.

Получив нехитрый завтрак из гречки с тушенкой, мы уселись за столы. Стали есть.

Все утро я размышлял о том, как же поступить с Сашей. И план у меня уже был. Мы с Саней братья-близнецы. Настолько похожие, что иной раз и родители нас путают. Что уж говорить о бывших одноклассниках, девчонках, с которыми мы гуляли, друзьях и знакомых.

Нередко в детстве мы даже подшучивали над людьми, используя такое свое сходство. Потому в голову мне пришло поменяться с Сашей местами. Ведь был я уверен, что никто просто не заметит подмены.

Соображалка у меня работала быстро. Я прогнал в мыслях и другие варианты. Что, если уговорить офицера погранслужбы взять меня к себе в команду? Маловероятно, что это выгорит. Раз уж нас с Сашкой разделили, значит, на то есть какая-то причина, и я был почти уверен, что не смогу переубедить покупателя. Меня в принципе вряд ли будут слушать. Потому я быстро отмел этот план.

Оставался первоначальный: поменяться с братом местами. Конечно, он тоже не идеален. Саша будет воевать, пройдет через огонь, как я когда-то. Но на заставе он гарантированно погибнет. Раз уж судьба дала мне шанс снова жить, теперь и я подарю Сашке возможность выжить.

Да только как это провернуть? Рассказать Сашке, что я уже прожил целую жизнь и знаю все наперед? Придется. Другого варианта я не видел. Может быть, Саша мне даже поверит. Была у меня идея, как ему доказать, что я все это уже пережил. Ничего не поделаться. Придется его убедить.

Внезапно мой взгляд зацепился за одного белобрысого парня, чье лицо показалось мне знакомым. Он с каменным лицом завтракал за соседним столом, полным и других призывников.

Я его знал, этого белобрысого. Пацан тоже попадет в мою бригаду. Тоже станет десанником. Да только позже меня на несколько недель. Он мог бы уехать сегодня, вместе со мной, однако не уедет. Все потому, что наделает глупостей. Но если я вмешаюсь, возможно, ЧП с его участием не случится. А главное, так я докажу Сашке, что уже все это переживал.

Сложнее было с тем, чтобы рассказать причину, по которой я хочу поменяться с братом местами. Узнай Саша, что я решил спасти его от смерти на заставе, сразу же решит, что взамен я пожертвую своей жизнью. Тогда точно откажется. Однако жертвовать я не собирался.

Уже давно я знал, что попади я в тот же наряд, что и Сашка перед своей смертью, за мной не убудет. Предупрежден – значит вооружен. Кто бы ни напал тогда на дозорных, я сделаю все, чтобы не дать убийцам расправиться со мной.

Но Сашку так просто в этом не убедишь. Потому о его смерти я решил не упоминать. Сыграю на другом. На его детской мечте быть как наш дядька. Быть десантником.

– Слышь, Сань, – шепнул я ему за едой.

– М-м-м?

– Сейчас, как погонит нас прапор на плац подметать территорию, отойди минут через пять в курилку. Разговор есть. Не для посторонних ушей.

Сашка нахмурил свои светлые брови.

– Это что еще за разговор?

– Ну вот приходи и узнаешь.

– Говори сейчас.

– Сейчас, Сашка, не место. Просто поверь мне.

Брат помолчал, ковыряясь в тарелке и выбирая кусок мяса пожирнее.

– А с чего ты взял, что нас с тобой погонят плац мести? – вдруг сказал он. – Мож, мы попадем чего-нить таскать да грузить. Скажем, разгружать картошку, как вчера.

– Поверь, – хмыкнул я. – Нас погонят на плац. Причем ты попадешь мести дорогу перед КПП. Вот увидишь.

Ничего не ответив, Сашка только глянул на меня как-то странно и снова принялся за еду.

Когда после завтрака нас и правда отправили работать на плац, Сашка пожал плечами и сказал мне:

– Ну угадал. Раз в год и палка стреляет.

Но я и не собирался этим своим пустяковым «предвидением» что-то ему доказать. Просто заронил в душу маленькое зернышко сомнений, которое скоро должно было прорасти в полную силу.

Через несколько минут работы на плацу я сообщил старослужащим, что мне нужно отойти в туалет, и солдат, пожав плечами, меня отпустил.

В распределительном центре к призывникам приставляли по большей части дембелей. А им напрягаться уже не очень-то хотелось. А зачем? Через несколько дней будешь уже дома. Что лишний раз жопу рвать? Вот и следили они за нами вполглаза. А это было мне как раз на руку.

Я не удивился, когда застал Сашку как раз у курилки. Он болтал с какими-то ребятами, отошедшими сюда на перекур. Впрочем, как только приблизился я, парни затушили бычки и потопали к столовой.

– Чего ты от меня хотел-то, Паш? – спросил Саня.

– Ты подожди минутку.

Курилка представляла из себя нечто напоминающее открытую беседку. Под крышей, на широкой ветровой доске, висела табличка «Место для курения». Я сел под крышу, на одну из лавок. Сашка вздохнул, опустился напротив.

– Если поймают, получим по шее, – проговорил он с ухмылкой.

– Ну что ж. Получим так получим. Солдат должен стойко переносить тяготы и лишения армейской жизни, – улынулся я. – Ну что? Ты не жалеешь?

– О чем? – глядя на бычки под ногами, спросил Сашка.

– Что попадем мы с тобой в пограничные войска.

– А что мне жалеть? Служба это почетная.

– Согласен. Да только знаю я, что в душе ты расстроился, когда узнал, что быть нам погранцами.

– Эх... – с какой-то грустью вздохнул Сашка. – Эт я, когда маленький был, капризничал. Хотел в ВДВ. А сейчас уже успокоился.

– А что, если я тебе скажу, что у тебя появится такой шанс?

– Какой? – удивился Сашка и нахмурился, заглянув мне в глаза.

Курилка стояла аккурат за казармами. Отсюда было видать правый угол плаца, и когда туда подошли ребята с метлами, я встал и сказал Сашке:

– Ладно, пойдем. Кое-что тебе покажу.

– Что? Паш? Да че делается-то? Чего ты меня позвал?

– Пойдем-пойдем.

Мы отошли от курилки на несколько шагов.

– Вон, видишь того паренька?

– Щекастого? Которого сегодня гонял прапор?

– Ну.

– Ну вижу, – пожал плечами Сашка. – Метет.

– Метет, – кривовато ухмыльнулся я. – Щас дометется.

– Почему?

– Смотри дальше.

Внезапно на плацу в нашем поле зрения появились еще трое ребят. Лидером у них шел тот самый белобрысый. Троица шла решительно и, кажется, совершенно никого не боялась.

– Вон видишь этого, белобрысого? – спросил я.

– Угу. Вижу, – заинтересовавшись происходящим, подтвердил Сашка.

– Сейчас они возьмут щекастого и поведут его бить. Вон туда, за казарму, где каптерка.

– За что бить? – не понял Сашка.

– За то, что белобрысый думает, будто у него сигареты свистнули. Но этот щекастый, как его, Мамаев, ничего не крал.

Сашка не ответил. Все потому, что он наблюдал, как троица повела щекастого за казармы. Шли они совершенно буднично. Так, будто просто решили отойти на перекур. Да только я знал, какая там сейчас начнется заваруха.

– Откуда ты все это знаешь? – удивился брат.

– Пойдем вмешаемся. Надо заступиться, пока это дурачье всем нам лишних проблем не устроило.

Сашка не колебался. Я знал, что не напугает его численное превосходство «соперника». Знал, что он, не задумываясь, поддержит меня во всем, что бы я ни затеял. Так было и в детстве, и в юношестве. Будет так и сейчас.

Саня хмуро глянул на компанию, почти скрывшуюся за большим серым зданием жилого блока.

– Хорошо. Пойдем, – решил он.

Вместе мы поторопились обойти казарму. Увидели, как под козырьком черного хода каптерки, который, по всей видимости, давно уже не использовался, эти трое щемят щекастого Мамаева.

– Откуда курице взял, падла?! – злобно шипел белобрысый, схватив щекастого за грудки.

Тот, испуганно прижавшись к стенке, жалобно попискивал:

– Пацаны, да вы чего?! Это ж мое!

– Брешешь! Ты вчера без курицы был!

– Мне батя сегодня привез!

– Брехня, не верю!

Дружки белобрысого: высокий кучерявый парень с веснушками на плоском лице и другой, не менее высокий и крупный детина, уже побритый налысо, – стояли за спиной белобрысого. Оба словно волки смотрели на Мамаева.

– Не вру я! Не вру! У кого хочешь спроси!

– Больно складно мелешь, – злился белобрысый. – Да только у меня из сумаря три пачки «Полета» пропало. Ты взял? Последний ты в каптерку ходил, когда свое ссаное барахло туда понес!

– Я не... – совсем растерялся щекастый.

– Пацаны говорили, что у тебя «Полет» стреляли!

– Да это мой... Папка передал, говорю ж!

– Что за шум, а драки нет? – вмешался я громко, когда мы с Сашей приблизились к остальным.

Все четверо парней почти разом глянули на нас.

– Чего приперлись, инкубаторские? – зло бросил белобрысый и даже зачем-то оскалился, показав кривоватые зубы. – Че, других дел у вас нету?

Глава 3

– Рожу попроще. Оскалом своим девок будешь пугать, – сухо ответил я белобрысому. Он медленно отпустил щекастого, и тот хотел было свинтить, но его остановили.

– Куда? – Белобрысый схватил его за рукав облезшей кожанки. – Стоять, сука.

Парень так и притих у стены.

– Что лезете не в свое дело? – низким, бычьим голосом спросил бритый. – Вы тут каким боком?

– Не любим, когда трое одного бьют, – проговорил я.

– Ага, – кивнул Саша, – всей толпой.

– За крысу заступаешься? – кивнул мне белобрысый с наездом. – Так, может быть, ты тогда сам крыса?

– Слышь, ты язык прикуси, – выступил вперед Сашка. – За брата порву на британский флаг.

– Ишь, смелый какой, – хмыкнул бритоголовый.

– Тише, тише, Сашка, – осадил я разозлившегося брата, а потом обратился к белобрысому: – Крыс я тут не знаю, зато вижу одного тупоголового барана. Ты готов за слова свои отвечать?

– Перед кем отвечать, перед тобой, что ли? – набычился белобрысый.

– Передо мной, – кивнул я беззаботно.

– А ты че, самый умный тут? – возмутился белобрысый, но я его перебил.

– Че? Курево пропало?

– А тебе какое дело?

– Под лавкой не смотрел?

Белобрысый удивленно заморгал. Потом оглянулся и встретился взглядами со своими дружками и щекастым Мамаевым.

– Какой лавкой, ты че? – кивнул он на меня злобно.

– Под лавкой, где лежат твои вещи, – сказал я. – Туда твои сигареты завалились.

– Ты че несешь?!

– Замажем? – скрестил я руки на груди. – Если там сигарет твоих не будет, мы с Сашкой отдадим тебе все свои деньги. Ну а если ты продаешь, тогда твое курево наше.

– Слышь, пацаны? – рассмеялся белобрысый, обращаясь к своим дружкам. – Видали, чего болтает? Экстрасенс выискался!

Бритоголовый с худым кривовато заулыбались.

– Ну так че? – невозмутимо сказал я. – Замажем, или ссышь?

Белобрысый тут же переменялся в лице. Мерзкую ухмылку как ветром сдуло с его полноватых губ. Он угрюмо уставился на нас с Сашкой.

– Я ссу? Слышь, ты, языкатый. Может, глянем, как ты кулаками махаешь?

– Давай глянем, – я выступил вперед, и Сашка решительно стал по правое плечо от меня, – только рожу я тебе так разукрашу, что офицеры, когда приедут, перепугаются.

Белобрысый тут же попер на меня, но я и бровью не повел, приготовился защищаться. Внезапно бритоголовый крепыш вырос на пути у белобрысого.

– Не связывайся, – пробурчал он.

– Чего?! Васька, пусти давай!

Бритоголовый обернулся, заглянул мне в глаза. Взгляд его, против белобрысовского, был спокойным и вдумчивым. Это был взгляд сильного человека, которому нечего было доказывать.

– Не связывайся, говорю. Че, хочешь, чтобы мы все битые ходили? Офицеры увидят, поднимется буча. Не надо нам этого перед службой.

– Да ты слышал, чего он мелет? – возмутился белобрысый.

– Мелет не мелет, а первым ты на него попер. Давай, остынь чутка.

Белобрысый уставился бритому Василию в глаза. Гневно засопел.

– Ну давай замажем, – мрачно пробасил белобрысый, глядя на меня поверх плеча своего друга.

Ничего ему не ответив, я протянул руку. Василий отступил, и белобрысый пожал мою ладонь. Он было хотел подшутить: решил стиснуть мою кисть побольнее, однако я напряг руку, не давая ему это сделать.

– Типа, сильный? – хмуро спросил он.

– Не жалуюсь. А тебе, видать, силу девать некуда?

Белобрысый бросил мою руку.

– Пойдем в каптерку, – сказал я. – Кладовщика найдем. Пусть откроет. Там, дружище, твоя судьба и решится.

Белобрысый не ответил. Он лишь наградил меня мрачным взглядом.

– Да грозный-грозный, – шутливо отмахнулся я. – Ну пойдем, пока нас прапор не поймал.

– Ребят, мож, я уже пойду? – робко спросил Мамаев.

– Куда? С нами дуй! – гавкнул на него белобрысый.

Когда всей компанией мы отправились в казарму, Сашка спросил:

– Слышь, Паш? А ты не перегибаешь? Че, правда все деньги ему отдашь?

– Ничего отдавать не придется.

– Это почему ж?

– Потому что сигареты будут лежать под лавкой.

– Откуда ты это знаешь? – удивленно спросил Сашка.

– Тихо. Потом расскажу.

Каптерка оказалась открытой. Кладовщика из гражданских мы нашли пьянеющим и сидящим за своим столом. Ты посмотри, какая зараза. Дело даже не к обеду, а он уже закладывает как надо. Когда мы вошли в складское помещение, он даже не пошевелился. Казалось, только сильнее захрапел.

– М-да, если кто захочет, могут чего угодно стащить, – посетовал бритоголовый.

– Ты думаешь, я совсем дурак? – спросил у меня белобрысый, расталкивая ногами чужие сумки, лежавшие прямо на полу, и пробираясь к своей, которую он оставил на лавке, вместе с другими. – Думаешь, не пойму, завалилось мое курево, или его какая гнида своровала?

– Думаю, не поймешь, – пожал плечами я.

– Ну вот! – Он схватил свой видавший виды вещмешок с ослабшими на горловине лямками.

Когда белобрысый потянул за него, из мешка посыпалась какая-то мелочевка: бритва, мыло. Вывалились бесформенные семейники в красных яблоках.

Белобрысый принялся, матюкаясь, собирать все это добро обратно.

– Кто-то тут лазил! Я же вижу! Вон, все перекуевдили! – зло прошипел он и снова выматерился.

Остальные упрямо ждали.

– Ну вот, нету тут ничего! – обернувшись, развел руками белобрысый. – У меня три пачки сигарет было! Говорю ж, это толстый взял!

Мамаев испуганно расширил глаза и даже отступил на шаг, но между ним и выходом из каптерки тут же появился высокий дылда, один из дружков белобрысого. Рослый парень осадил щекастого, дав понять, что так просто он из кладовой не выйдет.

– А ты получше гляди, – приподнял подбородок я, – повнимательнее.

– Да говорю ж! Ничего нету!

С этими словами белобрысый опустился почти на пол, заглянул под лавку и замер. Приподнявшись на руках, он обернулся, глянул на меня озадаченным взглядом. Потом растолкал чужие сумки и авоськи, сунул глубоко под лавку руку. Все чуть ли не ахнули, когда белобрысый достал сначала одну пачку «Полета», а потом и еще две.

Так и застыл белобрысый, сидя на коленях.

– И правда, под лавкой, – растерянно рассмеялся он. – Как оно тут?.. Как оно тут оказалось?..

– Я ж говорил, что не брал! – тут же закричал шекастый. – На кой черт оно мне надо?! У меня свое курево есть!

– Подбросили! – зыркнул на Мамаева белобрысый.

– Пачки вскрывали? – холодно спросил я.

Белобрысый задумчиво нахмурил брови. Стал рассматривать новенькую упаковку своих сигарет.

– Нет, – удивился он.

– Ну вот. Значит, выпало из сумки.

– Я так понимаю, товарищи, конфликт исчерпан? – довольно спросил Василий.

– Почти, – я протянул белобрысому руку. – Ну чего? Был у нас спор? Был. Моя взяла. Давай сигареты.

Белобрысый с грустью глянул на свое курево, потом на бритого с длинным, видимо, снова ища у них поддержки. Однако ему никто не ответил. Белобрысый встал, нехотя протянул мне сигареты.

– Не попадайся мне на глаза больше, – только и бросил он, а потом пошел на выход из каптерки.

– Э! – окликнул его я.

Белобрысый обернулся.

Я кинул курево под ноги, растоптал сигареты. У всех в комнате аж глаза на лоб полезли.

– Ты че творишь?! – испугался белобрысый.

В следующее мгновение он бросился ко мне с кулаками, но друзья остановили парня.

– Ты мне за это потом, в учебном центре, спасибо скажешь, – холодно ответил я.

Не найдя что сказать, белобрысый отступил. Потом гневно надул ноздри своего выдающегося носа, выматерился, поплевал под ботинки и вылетел из каптерки, пнув со злости дверь. Бритый с длинным, бросая на меня настороженные взгляды, последовали за ним.

– Спасибо, спасибо, пацаны, – подбежал к нам Мамаев, – если б не вы, мне б, наверное, за казармой все зубы пересчитали!

– Да не за что, – ответил я.

– Ваше не пойму, чего он ко мне привязался? С чего решил, что я крыса какая-то?

– Может, кто из пацанов знакомых ему на тебя накапал, – пожал плечами Сашка.

– Из глупости решил, – отрезал я. – Дурак, вот и прет напролом.

Никто не успел заметить, что мы ушли с плаца. Когда мы вернулись, нашли свои метлы, припрятанные в кустах, и стали подметать территорию дальше.

– Слышь, Паш, – шепнул мне Сашка. – А как ты узнал про сигареты? Как узнал, что драка намечается? Тебе кто-то сказал?

– Если расскажу, откуда знаю, – работая метлой, проговорил я, – ты мне ни в жизнь не поверишь.

– Ты обещал, что скажешь, – упирался Сашка. – Как про сигареты узнал-то?

Сашка, как я и думал, заинтересовался всем происходящим. В душе его поселились сомнения. А еще любопытство. Теперь пришло время действовать.

– Хорошо, скажу, – я серьезно глянул в глаза своему брату. – Только ты не перебивай. И постарайся не удивляться. Потому как это не шутка будет.

– Нет проблем, – Сашка пожал плечами.

– Знаю я все это, потому что уже переживал.

– Чего? – рассмеялся Сашка растерянно. – Как это переживал?

– Вот так. Переживал вот этот самый день. Знаю, что будет дальше. Знаю, и все тут. И про сигареты я узнал, потому что слышал, как белобрысый, которого, кстати, Серегой зовут, сам рассказывал мне эту историю.

С каждым моим словом белесые брови Сашки все сильнее ползли к переносице. Брат недоверчиво сжимал губы, смотрел на меня с сомнением.

– Да только в прошлый раз Серега побил Мамаева, – продолжал я. – Думал, это он взял курево. Ну и нарвался Сергей на проблемы. Только потом он узнал, что сигареты остались под лавкой. К слову, Сереге чуть уголовную статью не впаяли.

– Ты сказочки свои брось, – перебил меня было Сашка.

– Родители Мамаева настаивали на сроке, – не обратив внимания на реплику братца, упорно продолжал я. – Да только сам он решил заявление не писать, не валить парня. Мамаев добрый мальш. Все уладили у начальника распредпункта. А сам Серега говорил нам потом, что очень жалеет, что тогда сорвался на Мамаева. А еще говорил, жалеет, что курить поздно бросил. Мучился с дышалкой в учебном центре ВДВ, пока бегал. Вот я сигареты у него сейчас и изьял, чтоб не дымил, как обычно.

Сашка застыл на месте, рассматривая меня дурным взглядом.

– Чего ты такое говоришь, Паша? Шутишь, что ли? Какой учебный центр ВДВ?!

– Что, не веришь? А обещал не удивляться. Ну давай еще скажу, что сегодня будет. К трем часам нас станут строить на плацу. Это будет означать, что приехали покупатели. Сегодня их будет двое. Пограничник с московского пограничного отряда, из КСАПО Таджикской ССР, и майор из ВДВ. Всех, кто на девятке сегодня сидит, поделят на две части. Одни уедут в ВДВ, другие в ПВ.

Я посерьезнел, глянул на Сашку из-под нахмуренных бровей.

– Угадай, кто из нас двоих попадет в ВДВ?

– Чего? Пашка, у тебя, может, температура? Голову отморозил? Какое ВДВ? Мы с шестого класса знаем, что попадем на границу!

– Я тоже так думал. А потом оказался в воздушно-десантных.

– Бред какой-то, – раздраженно отмахнулся Сашка. – Ты, видать, книжек фантастических начитался! Тоже мне, будущее он знает!

С этими словами раздраженный Сашка пошел прочь к казармам. Я его не останавливал. Ничего. Пусть идет. Переварит информацию. Когда день пойдет точно, как я сказал, Сашка поверит мне. Тогда уж я его уговорю.

Наступил обед. Призывники потянулись к столовой, получить свою порцию холодных макарон с тушенкой.

С Сашкой я после всего случившегося не разговаривал, но приглядывал за ним, пока мы работали на плацу. Время от времени он глядел на меня то раздраженно, то озадаченно. Не знал, надо ли мне верить.

В столовой мы сели вместе, но не разговаривали. Сашка только задумчиво ковырял гнутой алюминиевой ложкой в своей миске. Думал. А я и не торопил. Спешка в таких тонкостях была не нужна. Уж я-то знаю.

Внезапно между мной и еще одним худощавым парнем втиснулся и сел за стол тот самый крупный Василий. Он громко поставил свою чашку на стол, принялся молча есть.

– За этим столом что, макароны вкуснее? – с усмешкой спросил я.

– Да не, – помолчав пару мгновений, ответил он с доброй улыбкой. – Что тут, что там. Везде одинаково.

– А чего ж ты тогда с товарищем не обедаешь? – Я кивнул на другой стол, где сидели белокрысы Сергей и его друг-дылда.

– Потому что хотел поговорить. Это ж ты с Сергеем спорил? Или братик твой? Одинаковые вы, что не разобрать, – по-доброму рассмеялся Вася.

– Я. А брат подсобил. Ну разговаривай, раз уж присел, – пожал я плечами и отправил в рот полную ложку макарон.

– Поблагодарить хотел, – скромно пробурчал бритоголовый Вася.

– За что?

– Что не дал Сергею наделать делов, – выдохнул Василий.

Видно было, что говорить слова благодарности ему совсем непросто. Однако он переборол себя, понимая, что я избавил его и его товарища от лишних проблем, которые Сергей мог сам себе найти.

– Я Сергею знаю со школы, – промычал он низким своим басом. – Он парень хороший. Но вспыльчивый. С начальных классов за ним приглядываю. Уж так у нас повелось.

– Вспыльчивый, – согласился я. – Не разобравшись, лезет в проблемы по самое горлышко.

– Ну, – улыбнулся Василий. – А ты ему не дал залезть. А я, видит бог, Сергею поверил. Думал, этот щекастый и правда крысятничает. Станный он какой-то. Молчаливый.

– Мамаев?

– Угу, – кивнул Вася.

– Боится.

– Зря это он.

– Зря, – согласился я. – Ниче. Привыкнет.

– В общем... – замаялся Вася, – спасибо тебе. Только мне интересно, как ты обо всем узнал?

– Догадался, – хитровато глянул я на здоровяка.

Тот хмыкнул.

– Ну лады. Не хочешь говорить, не надо. Главное – беду отвел. А меня, кстати, Василием зовут. Вася Уткин.

Парень протянул мне свою большую крестьянскую руку. Я пожал.

– Селихов. Паша Селихов. А это вот Сашка, брат мой.

– Будем знакомы, – Василий пожал руку молчаливому Сашке. – Короче, пацаны, я в долгу не останусь. Если какая беда, обращайтесь. Подсоблю.

– Спасибо, – кивнул я.

– Да, спасибо, – угрюмо добавил Сашка.

После обеда нас построили на плацу. Долго считали и вели переключки. Недовольный прапорщик ходил вдоль строя и страшно ругался. Я слышал, что после обеда поймали каких-то призывников за пьянкой.

Где они взяли алкашку, никто не знал, но сержанты, конечно, все отняли. Помнил я, что немало парней притащили в первый день водку с пробоводов. Кто-то захватил еще и съестного. Еды у призывников не отнимали.

Помню, как в прошлый раз Сашка сетовал, почему нам не выдают сухпай. Многие, в том числе и он, думали, что гораздо лучше питаться отличной советской тушенкой из пайка, чем холодными макаронами в столовой.

Дело было в том, что сухпай приберегли на переезд. Никто не знал, куда нас отправят и сколько придется пробыть в пути. Никто, кроме меня. Я прекрасно помнил, что до Душанбе следовать почти четверо суток, и сухпай в такой дороге будет отнюдь не лишним.

Старшина суетился и ходил у шеренги. В очередной раз пересчитывал нас и звал поименно, чтобы убедиться, что все на месте.

Когда из административного здания распрепункта вышли несколько офицеров и лейтенантов, прапор громко крикнул:

– Смирно!

Группа офицеров приближалась. Их четверо, а еще с ними топал сержант. Я сразу понял, что вот они, идут наши покупатели в сопровождении начальника сборного пункта. Спустя еще пару секунд я увидел уже знакомого мне по моей прошлой жизни майора Сапрыкина. Был он штабным офицером. Можно сказать, типичным. За время моей срочной службы я узнал Сапрыкина как одного из тех офицеров, кто желает все контролировать и ни за что не отвечать.

К счастью, наши полевые командиры, понимая, насколько штаб бывает оторван от реальности, старались защищать своих бойцов от штабных. Мало ли что придет им в светлые головы.

А вот второго офицера, молодого паренька в звании старлея, я знал только по Сашкиным рассказам из прошлой жизни. И надо сказать, брат отзывался о нем не лучшим образом.

Тем не менее я сразу увидел в нем пограничника. На это указывала фуражка с зеленой тульей и лейтенантские погоны на плечах шинели. По правое плечо от него устало топал сержант. Сержант был долговязый, с тонкими, словно бы птичьими чертами лица.

Офицер-пограничник же, невысокий и худощавый парень лет двадцати пяти, шел не менее устало и даже не пытался бодриться перед бойцами. На его узкой и высоколобой физиономии виднелся суровый недосып. Офицер слегка сутулился. Сразу было видно: идет к нам самый обычный штабной лейтенантик. У старлея было вытянутое, напоминающее лошадиное, лицо и реденькие, едва видимые белесые брови над глубоко посаженными маленькими глазами.

А штабных я еще с Афгана недолюбиваю. Нет, конечно, было среди них немало достойных людей, но встречались и такие, что хоть стой, хоть падай. Оторванные от действительности, короче.

Но даже так, полевые командиры, чьи ряды чуть позже пополнил и я, всегда были мне роднее. Потому как они вместе с простым солдатом копошатся в грязи и пылилке. Да и своих подчиненных никогда в обиду не дадут. Ну а мы, соответственно, их тоже в обиду не давали.

Компания офицеров приблизилась. Вперед вышел начальник пункта. Остальные пока что держались за его плечами.

– Здравствуйте, товарищи призывники! – крикнул он громко.

Шеренга отозвалась приветствием:

– Здравия желаем, товарищ майор!

– Значит, слушать меня внимательно, – начал он строже, – сейчас...

– Паш, – неожиданно позвал меня Сашка, и я украдкой глянул на него, не поворачивая головы. – Один, вон, в зеленой фуражке, пограничник, сразу видать. А второй кто? Отсюда погоны не рассмотреть.

С этими словами Сашка кивнул на Сапрыкина.

– ВДВшники.

Брат пару мгновений помолчал.

– ВДВшник? Так это что ж? Правда? Нас будут разделять? Все в пограничники не попадем?

– Некоторые не попадут, – сказал я. – Ты отправишься в погранвойска. Меня выберут для службы в ВДВ.

– Понятно, – помолчав несколько мгновений, ответил он и, будто бы немного расстроившись, опустил подбородок. – Но откуда? Откуда ты все это знаешь? Ты что, из этих? И правда из экстрасенсов, про которых Машка Вавилова весь последний год в школе талдычила?

– Нет, – тихо прыснул я. – Не из экстрасенсов.

– А что тогда?

– Хочешь в ВДВ? – спросил я серьезно.

Сашка неуверенно поджал губы.

– Хочешь?

– Хотел бы. Но... но не хочу с тобой разделяться.

– Нас так и так разделят, – невозмутимо сказал я. – Да только, раз уж ты хочешь в десант, так давай. Возможность у нас есть. Если решишься, то с этого самого момента, что бы ни случилось, ты будешь Пашкой Селиховым, а я стану Сашкой. Никто не догадается, пусть хоть попытают. Мы похожи как две капли. Знаем друг о друге, считай, все, что только можно знать. В этом и есть мое к тебе предложение. Ты всегда мечтал в десантники. Ну вот, дерзай.

Сашка задумался. Оба мы пропустили речь начальника пункта, который распинался перед строем.

– Может... – несмело начал Сашка, – может, ты знаешь, куда мы попадем?

– Знаю.

– Куда?

– В Афганистан.

– Оба?

– Да.

– Понятно, – с горечью в голосе проговорил Сашка. – Оба пойдем воевать.

– Оба пойдем.

Он сглотнул.

– Значит, на заставе будет побезопасней, – прошептал Сашка тихонько. – Хотя бы на родной земле.

На эти его слова я ничего не ответил. Вместо этого сказал:

– Первым вызовут тебя. Я хорошо это помню. Когда начальник пункта назовет твое имя, не выходи. Я пойду вместо тебя.

– Это как-то нечестно, – засомневался Сашка.

– Какая разница, какой из Селиховых где будет воевать? – подбодрил я его шепотом. – Из нас обоих получатся отличные солдаты. Хоть одного, хоть другого возьми.

– А на заставе-то будет побезопаснее, – после недолгих раздумий повторил Сашка.

– Уговаривать я тебя не стану, братик. Если уж решишь, то просто промолчи. Да только хочу сказать, что десант – это твое, Сашка. Найдешь ты себя в воздушно-десантных.

Сказал я так именно потому, что примерил свою собственную судьбу на Александра. Значит, это он, а не я, будет служить в Афгане сверхсрочную службу. Значит, это он, а не я, пойдет в училище и станет лейтенантом. А дослужившись до майора, уволится из армии, чтобы в середине беспокойных девяностых попробовать себя в охранном бизнесе, как это сделал я.

Все у Сашки будет хорошо. А что я? А я, получается, кую свою судьбу заново. И я сделаю все, чтобы она стала счастливой. Чтобы теперь в этой моей новой жизни остался родной брат-близнец.

Сашка ничего не сказал. Так и стоял он смиренно, глядя куда-то в одну только ему известную точку. Он сомневался. Боролся с собою, какое решение ему принять. Я не торопил.

Майор, начальник пункта, тем временем стал по списку выкрикивать фамилии. Всех их строили в отдельную группу.

– Селихов! Александр! – крикнул вдруг начальник и повел внимательным взглядом по шеренге, ожидая увидеть этого самого Селихова. На пару мгновений над плацем воцарилась тягучая тишина.

Глава 4

– Я! – Громко крикнув, я решительно вышел из строя.

Сашка, оставшийся у меня за спиной, молчал. Колебался.

«Не сделай глупость, – думал я в этот момент про него, – не сделай глупость, Сашка. Не подведи нас с тобой».

Сашка не подвел. Он устоял на своем месте. Когда я пошел направо, к остальным парням, которых уже строил молодой долговязый лейтенант, Сашка проводил меня взглядом.

Взяли далеко не всех. Из общей массы призывников начальник сборного пункта назвал человек двадцать. Были среди них и мои знакомцы: щекастый Мамаев и Вася Уткин.

– Опа-на, – вполголоса пробасил Васька Уткин, когда я встал в новый строй рядом с ним, – братец Селихов. А ты который?

– Александр, – назвал я свое новое на время службы имя.

– Саша, значит. Ну жди своего братца. Щас к нам присоединится.

Сашка, конечно же, не присоединился. Большую часть призывников оставили ждать своей очереди. В ВДВ же пошли человек двенадцать – пятнадцать, и майор Сапрыкин встал перед ними, спросил риторическое «готовы ли служить?», а потом увел с собой, чтобы проверить пополнение лично.

К нам же подступил старлей погранвойск. Отдав честь, крикнул:

– Здравия желаю, товарищи призывники!

– Здравия желаем, товарищ старший лейтенант! – крикнули мы нестройным хором.

– Служить готовы?!

– Так точно!

– Очень хорошо. Меня зовут старший лейтенант Машко Сергей Петрович.

Старлей внимательно пробежал взглядом по шеренге. Задумавшись, приподнял взгляд к кронам тополей, росших за зданием казарм. Потом затянул краткую речь о том, что, мол, нам может выпасть честь служить в погранвойсках, но это пока что неточно.

– Ну че, теперь пойдем в погранцы? – шепнул кто-то из строя.

– По глухим лесам да горам бегать, – вздохнул худощавый парняга, что стоял от меня по левое плечо. – Так себе удовольствие. Там, куда нас пошлют, небось ни одной девчонки чуть не на триста километров вокруг. Грустнота...

Парень показался мне примечательным. Чуть пониже меня, он был таким смуглым, будто только недавно вернулся с колхозной уборки.

– Главное, чтоб не в Афган, – вполголоса посетовал другой, стоящий немного дальше, – лучше бы нам об этом переживать.

– М-да... – протянул худощавый, – согласен. Мне вот ни узбечки, ни таджички не нравятся. А наших, славянчек, там, видать, и днем с огнем не сыскать.

– Разговорчики! – крикнул старлей, закончив какую-то свою речь, которую никто особо-то и не слушал.

Он важно сцепил руки за спиной, пошел вдоль строя. Топал он, внимательно осматривая каждого парня. Когда оказался рядом со мной, замедлил шаг, встал лицом к лицу, осмотрел. Потом бросил взгляд назад, туда, где скрывалась в административном здании команда Сапрыкина.

Лейтенант сделал такое лицо, будто хотел что-то мне сказать, но все же промолчал. Пошел дальше по шеренге.

Ты посмотри, какой внимательный оказался. Насколько я знал, команду для покупателей составляли еще на сборном пункте. Почему нас с Сашкой решили разделить, я не знал.

Оба мы отличались крепким здоровьем, рост с весом у нас, считай, совпадали. Бери да включай обоих в одну и ту же группу. Да только было у составителей какое-то свое представление о том, каких солдат им куда направить. У офицеров-покупателей тоже было представление, нередко отличавшееся от административщиков с пункта.

Короче, видел я, что старлей этот сделал в уме по поводу меня заметку. Не сказать, что это меня напрягло, но и я тоже отметил в голове, что нужно быть начеку. На всякий случай.

По крайней мере, пока Сашка не отбыл, нужно было всеми силами скрыть от офицеров, что мы поменялись. Иначе весь план пойдет насмарку.

– Слышь, Саш? – обратился ко мне Васька Уткин, когда старлей прошелся по всей шеренге и ушел в сторонку поговорить о чем-то с лейтенантом, – а братан твой чего?

Я обернулся и увидел, что немногочисленная группа призывников будущих ВДВшников уже полностью скрылась в администрации сборного пункта. Среди них был и Сашка, ставший теперь до конца службы Пашкой.

– А брат мой вон там, – сказал я.

– Вот так? Разделили, значит? А я слышал, близнецов отправляют в одну часть.

– Тебя с друзьями, я смотрю, тоже разделили.

– Ага, – покивал Василий. – С детдома вместе. Думали, и отслужим так же. Ан нет. Серегу забрал вон тот майор. А Димка Длинный остался с остальными.

– Бывает, – пожал я плечами.

– Слышь, Саша, а давай друг друга держаться? – вдруг спросил Василий. – Вы с братцем вроде мужики ниче. Вместе оно все проще будет.

– Не возражаю, – с легкой улыбкой ответил я.

Старлей закончил болтать с сержантом и потопал к администрации.

– Ну че, бойцы! – подступил к нам сержант. – Пока свободны. Отправление завтра, в шесть утра.

Сержант почему-то хмыкнул, глянул на нас как-то самодовольно и добавил:

– Гуляйте пока. Ночка у вас будет та еще.

– Селихов! Селихов! – услышал я голос, словно бы приглушенный толщей воды. – Селихов!

Голос был не Сашкин. Сработал старый рефлекс, и я распахнул глаза. Схватил чью-то руку, готовую вцепиться мне в горло.

– Ты че? – удивился долговязый сержантик, уставившийся на меня белесыми в темноте глазами.

На миг в них блеснул страх.

– А... Ты это, – пробурчал я, отстраняя его руку.

– Я тебя растолкать хотел, чего ты дерганный такой?

– Не люблю, когда трогают, – сказал я, поднимаясь на нижних Сашкиных нарах.

– Серьезный, мля, – хмыкнул сержант. – Вставай, одевайся.

Я опустил ноги на холодный пол, встал. Глянул на Сашку, беспокойно спящего на верхних нарах.

– Что? Товарищ старший лейтенант к себе вызывает? – догадался я.

Сержант приподнял брови от удивления. От этого его тонкокостные скулы стали будто бы еще острее.

– Догадливый. Пойдем, провожу тебя до кабинета.

На улице было холодно. Шел мелкий косой дождик, неприятно коловший лицо. Бушевал ветер. Он трепал пожелтевшие кроны высоких тополей, срывал и гнал по плацу осенние листья.

Я посильнее укутался в старую отцовскую куртку, которую накинул на плечи. По пути к администрации, на втором этаже которой еще горели несколько окон, я не волновался. Знал, что практика эта нормальная. Старлей зашивается с делами, не успевает опросить команду. Вот и сидит ночью, роется в личных делах. Знал я из моей прошлой жизни, из Сашкиных писем, что был старлей сам виноват в том, что ему до сих пор приходится торчать на девятке. Слишком поздно приехал на сборный пункт.

Вместе с сержантом мы зашли в администрацию. Тут, в небольшом холле первого этажа, у несущей стены, красовался ленинский уголок. Большой бюст Ленина стоял на пьедестале, устланном алым полотном.

За спиной вождя висело красное знамя с бахромой. На нем золотыми буквами вышили ленинские слова: «Красная Армия есть вооруженная сила, созданная властью рабочих и крестьян для защиты великих завоеваний Октябрьской Революции (Ленин)». По обе стороны от бюста установили флаги со знаменами СССР и РСФСР.

Мы прошли мимо, направились на второй этаж. Там мы с сержантом пошли вглубь коридора.

На стене я заметил плакат. Он говорил о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Демократической республикой Афганистан. Он изображал вооруженных советского и афганского солдат, защищающих этот договор от уродливых моджахедов, цэрэушников и прочих буржуев.

– погоди минутку, – сказал мне сержант и постучал в тяжелую деревянную дверь. Заглянул внутрь. – Разрешите? Призывник Селихов прибыл на беседу по...

– Отставить, пусть заходит, – раздалось изнутри.

Сержант пригласил меня, и я зашел внутрь. В небольшом кабинете стояло несколько письменных столов, походивших на школьные парты. За дальним сидел старлей. Машко рассматривал личное дело в серой папке. Очевидно, мое. Еще больше десятка он разбросал на столе.

– Селихов? – поднял старлей внимательные глаза. – Ну, присаживайся.

Присаживаться было не на что, и я без затей взял стул из-за другого стола. Поставил перед рабочим местом старлея.

– Селихов, значит, – засопев, потянул он. – М-да...

Он полистал дело, потом бросил на меня резкий вопросительный взгляд и почему-то спросил:

– Павел?

– Александр, – не повел я и бровью.

– Ах да. Александр, – наигранно поправился он. – Вижу-вижу. Александр, который младший. Написано, Паша на пятнадцать минут тебя старше.

– Так точно.

– Ох уж мне эти близнецы, – посетовал он, – мороки с вами бывает, хоть стой, хоть падай. Если уж не определишь вас в одну воинскую часть, так сразу прибегают мамки, начинают ругаться, мол, разделили наших солнышек, как же они теперь друг без друга? Невдомек матери, что это уже никакие не их солнышки, а военнослужащие вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик.

– Мои родители к такому относятся спокойно, – сухо ответил я. – Если дело только в этом, то тут не стоит переживать.

Лейтенант снова полистал дело.

– Ага. Мать – Зоя Васильевна Селихова, учительница начальных классов. Отец – Степан Семенович Селихов, шофер в колхозе «Новатор», станицы Красной Новокубанского района. Хорошая, приличная семья. Ни приводов, ни проблем с законом. На работе тоже все чисто. Как надо, в общем. Примерные вы, Селиховы.

На наигранную похвалу я ничего не ответил, только заглянул старлею в глаза, когда он поднял их от бумаг. Машко продержался недолго. Он вдруг смутился, прочистил горло и, стараясь этого не показывать, снова погрузился в мое личное дело.

– В школе у вас тоже все было отлично. Оба братца, что Павел, что Александр, хорошисты учебы, комсомольцы и спортсмены.

– При всем к вам уважении, товарищ старший лейтенант, – начал я. – Спать очень хочется. Завтра сложная дорога. Если у вас есть ко мне вопросы, давайте сразу перейдем к ним.

– Ишь, какой прямолинейный, – ухмыльнулся старлей. – Сразу к делу. Уважаю. Ну, раз так, давай перейдем сразу к делу. А дело такое, что близнецы в армии – это, как я уже сказал, часто бывает настоящая головная боль.

– У меня деда по маминой линии тоже близнецы, – пожал я плечами. – И ничего. Отлично служили, немца в Крыму били.

– Немцы немцами, это-то ладно. Дело тут в другом.

– В чем?

– У нас, как ты знаешь, принято таких, как вы с братом, определять в одну воинскую часть. На встречу идем, хотя советскими законами такого и не предписано.

– Ну определите, – пожал я плечами, – я только рад буду.

– У вас тут другой случай.

– Какой? – спросил я холодно.

– А тебе, Александр, этого знать не положено, – уклончиво ответил он.

– Есть знать не положено, – равнодушно пожал я плечами.

Не так для меня было важно, будем ли мы с Сашкой служить вместе. Гораздо важнее, чтобы вместе мы пережили Афганистан, куда очень скоро занесет нас судьба.

Однако старлей завел этот разговор не просто так. Сдается мне, есть у него какие-то основания присмотреться к нам получше. И я догадывался какие. Ну что ж, пусть присматривается. Перехитрить меня у него не выйдет.

– Была у нас в отряде одна история, пару лет назад, – начал старлей. – Тоже призвали близнецов. Оба попали к нам в отряд. Вместе прошли курс подготовки, а потом определили их на разные заставы. Так уж решили в штабе. Ну и что ты думаешь? Один из этих остолопов додумался написать про все это дело своей мамке.

– Мамка была не в восторге, – ухмыльнулся я.

– Это еще мягко сказано, – старлей скрипнул стулом, усаживаясь поудобнее. – Возмутилась она, мол, как это, ее сынки с детства вместе, кашу жрали с одной чашки, а сейчас их разорвали. И плевать, что они на соседних заставах и по три раза за неделю видятся, когда в дозоре, на стыке участков встречаются. Так она, вместо того чтобы, как все нормальные мамки, написать письмо начотряду или, на худой конец, в военную прокуратуру, знаешь, что учудила?

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Написала в «Крокодил»! Представляешь?

– Да вы что? – делано удивился я.

– Ну, – он кивнул. – В отряде даже скандал был. Хорошо небольшой. Благо начотряда, Валерий Дмитриевич наш, не пошел у нее на поводу. Ну и мамаша смирилась.

– И что вы хотите мне этим сказать, товарищ старший лейтенант?

– А то, что у меня, товарищ Селихов, и без вас с братцем проблем хватает.

Я пожал плечами, мол, это не мои проблемы.

– А вот еще был случай. Уже со мной. Летал я в прошлом году в Элисту, там местные призывались. И попался мне один дружок, калмык. Я даже фамилию запомнил. Сергей Илюмжинов его звали. Так вот, призвался он по повестке, все как надо. Я принимал команду, с личным делом было все хорошо. Да только потом уже, через полгода, выяснилось, что никакой он не Сергей, а брат-близнец его Дима, у которого вообще по здоровью было освобождение.

– Проколотся? – спросил я с ухмылкой.

– Ага. Когда выяснилось, что у него аллергия на собачью шерсть страшная. А по карточке должен быть здоров как бык. И знаешь че? Этот Дима вместо Сергея пошел в армию. А все потому, что Сергей учился в техникуме, да только отсрочку ему не дали. Пришла повестка, а сердобольный братец, чтоб другой доучиться мог, пошел вместо него долг Родине отдавать. Вот тогда был скандал так скандал.

Рассказы старлея стали меня утомлять, и я сказал:

– Товарищ старший лейтенант, в чем вы нас с братом подозреваете? Скажите прямо. Хватит уже вокруг да около ходить.

Я уже давно понял, к чему он клонит. Видимо, несмотря на то что я разговаривал сегодня с Сашей, как ему себя вести, брат проколотся. Ну ничего, я видел, как Сашка нервничает, и потому предвидел такой вариант развития событий. Знал, как мне выкрутится.

Мы с Сашкой, в моей прошлой жизни, когда оба только проходили подготовку, много переписывались. Сашка писал, что у него там, на сборном пункте, с отправкой была настоящая катавасия. А виноватым в ней оказался именно офицер-покупатель. Чуть за это даже на губу не загремел. Те воспоминания из письма были, что называется, моим козырем.

– Твой брат Пашка, если это, конечно, Пашка, странно себя вел сегодня на беседе с майором Сапрыкиным. Несколько раз путался в ваших именах. Сашкой себя называл. Короче, отвечай, почему вы с ним поменялись местами?

– А кто вам сказал, что мы поменялись? – пожал я плечами.

Старлей нахмурил белесые брови.

– А что, нет?

– Нет. А что Пашка там говорил товарищу майору, я не знаю.

Нарочито спокойный, я откинулся на спинку стула. Добавил:

– Короче, не пойму, товарищ старший лейтенант, откуда вы все это взяли.

– Не дури мне голову. Лучше признавайся, – угрожающе подался он вперед.

– Признаваться в чем?

– Что вы с Сашкой поменялись местами!

– Вы прекрасно знаете, что оба мы совершенно здоровы, у нас приличная семья. Если бы не ваши секретные обстоятельства, оба бы отлично подошли для погранвойск. Да и зачем нам местами меняться? Что в погранвойсках, что в воздушно-десантных – везде служить дело почетное.

– Да черт вас знает, что у вас бывает в головах... – недовольно пробурчал старлей. – А если тебя ранят на службе, а группа крови у вас разная?! Что тогда?!

– У нас одинаковая. Можете проверить, – сказал я спокойно.

– Так у меня проблемы будут! Мне оно надо?!

– А вот это уже вопрос другой, – улыбнулся я. – Но, скажем прямо, ваши проблемы это ваши проблемы. Тем более вам не стоит о них беспокоиться, ведь перед вами сижу я, Александр Селихов.

Старлей вздохнул. Подперев голову рукой, принялся массировать глаза.

– Давай так с тобой поступим, – начал он, чуть пораскинув мозгами, – ты, Павел, пойдешь сейчас к своему брату Александру и приведешь его сюда. Мы втроем поговорим спокойно на эту тему. Ну и поменяетесь обратно. Как и надо, Александр уедет в отряд, а ты, Паша, отправишься в свою бригаду. Никто ни о чем не узнает. Никаких последствий для тебя с братом не будет.

– Я не Павел, товарищ старший лейтенант, – стоял я на своем.

– Врешь.

– Докажите обратное.

– Ах ты... – старлей покраснел, – да что ты... Я...

Он замялся от злости, не зная, какие слова подобрать.

– Короче. Хватит играть со мной в эти дурацкие игры, – наконец сказал он. – Ты сейчас пойдешь и приведешь сюда Александра, а не то...

– Я уже тут, товарищ старший лейтенант.

– Я тебя заверну! – не выдержал старлей и аж встал. – Заверну так, что ты проторчишь на девятке еще неделю! Будешь сидеть и ждать, пока тебя не отправят в Сибирь, в какой-нибудь стройбат! БАМ достраивать!

– Ну, попробуйте завернуть, – пожал я плечами. – Я знаю, что вы этого не сделаете. Иначе у вас действительно будут проблемы.

– Ну боец... Это залет... – пробурчал он угрожающе. – Залет огромный!

«Дави-дави, старлей. Не додавишь, – подумалось мне. – Упираться я буду до последнего. На кону Сашкина жизнь, и перед тобой, штабной, я не отступлю. Еще во время прошлой службы привык таких на место ставить».

– Короче, так, – он медленно опустился на свое место. – Короче, так, Селихов, кто бы ты там ни был. Я тебя заворачиваю. В погранвойска ты, дружок, не попадешь.

Глава 5

– Заворачивайте, – я пожал плечами, – что ж поделать? Приказ есть приказ.

Старлей нахмурил реденькие бровки, глянул на меня злобно. Мне показалось, что он даже скрипнул зубами.

– Да только замену вам никто искать не будет. Времени на это нет. Раз вы сказали нам, что отправка утром, то сроки у вас нехило поджимают.

– Ты чего, забыл, с кем разговариваешь?! – снова взорвался старлей. – Забыл, где находишься?! Да я тебя за уклонение от службы в тюрягу засажу так, что ты баланду до ишачьей пасхи хлебать будешь! Прямо сейчас вызову дежурного, чтоб тебя на губу отправили!

Лейтенант орал, а я все это время спокойно смотрел ему в глаза. Машко снова покраснел, на лбу и шее набухли вены. Глаза покраснели от капилляров.

– Ну, чего молчишь?! – зло крикнул он, окончив свою тираду.

– А чего мне сказать? – пожал я плечами. – Мы оба знаем, кто получит по шапке, если команду не отправят в срок.

– Пошел вон! – рыкнул он.

– Есть пойти вон, – я пожал плечами и встал. Направился на выход.

– Нет, стой, – отдышавшись, позвал меня старлей.

Я обернулся.

На Машко не было лица. Мгновение назад красный как рак, старлей побледнел. Устало откинулся на кресло и потянулся под стол. Достав сигареты, закурил.

Я прекрасно понимал, что Машко ничего мне не сделает. О том, что команду он проверяет впопыхах и сильно торопится, знали мы оба.

Я вот знал причину этого из Сашкиного письма, которое прислал он мне в учебку, еще в прошлой жизни. Сашка рассказал, что перед отправкой всю ночь их таскали к старлею-покупателю. Что офицер торопливо проводил с призывниками личные беседы.

У старлея было три дня с момента вверения ему команды, чтобы утвердить личный состав. Да только Сашка поведал о слухах, что ходили про старлея. Будто он направился в командировку в Краснодар не зря. Уверив начальство в том, что поспеет в срок, старлей приехал в город и двое суток сидел у молодой жены, упрямо отказывавшейся отбыть с Машко в таджикскую глушь.

Не ожидал старлей, что ему придется менять кого-то из призывников. Потому, наехав на меня, Машко оказался в тупике.

– Значит, ты – Александр Селихов, младший брат Павла Селихова? – спросил он серьезно.

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

Машко вздохнул, стряхнул на пол сигаретный пепел. Он внимательно посмотрел мне в глаза. Я взгляда не отвел.

– Ладно. Брату скажи, чтобы лишнего не болтал, если че.

– О чем это вы? – изобразил я удивление.

– Да так, ни о чем, – угрюмо ответил старлей. – Иди. Отправление завтра в шесть утра. Поедешь служить на Советскую границу.

– Паша... Паш, проснись...

Сашкин тихий шепот вырвал меня из беспокойного сна. Я продрал глаза. Увидел усталое и сонное лицо брата.

– Нас уже отправляют, – хрипловато сказал он.

Я быстро встал с кровати, силой воли изгнав остатки сонливости из тяжелой головы.

– Ну вот мы с тобой и расстаемся, – Сашка натянул свитер, уселся на мою кровать, чтобы надеть ботинки. – Подумать только, всю жизнь мы с тобой бок о бок, и тут на тебе.

– Ничего, Саш, привыкнешь. Будем с тобой связь поддерживать. Письма друг другу писать.

Сашка встал. Во взгляде его я увидел горечь. Горечь оттого, что надо ему расставаться с человеком, с которым с пеленок он плыл по жизни в одной лодке.

– Чего вылупился? – улыбнулся я. – Сюда иди, дубина ты стоеросовая.

С этими словами я встал и крепко обнял брата. Обнял так, как хотел обнять с того самого момента, как вновь увидел Сашку живым. Он ответил мне тем же: до хруста стиснул мне спину. Мы расцепились.

– Не понимаю я, как ты все знаешь наперед, – признался Сашка, – но все, что ты говорил, все сбылось. Это, выходит, нам с тобой и правда Афган?

– Правда, Саша.

Брат поджал губы и неуверенно отвел взгляд. Горечь разлуки теперь отразилась еще и на его молодом светлом лице.

– Ничего страшного, Саня, мы ж с тобой Селиховы. Мы везде сдюжим, – сказал я с улыбкой и положил руку брату на плечо.

– Ты, главное, вернись живым, Пашка. С целыми ногами и руками. Вот это щас для меня главное.

– Вернусь. Не переживай. И ты вернешься, уж я-то знаю.

Сашка робко улыбнулся.

– Где наша не пропадала? – Я рассмеялся сдержанно. – Уж если мы Семку Мухина и пятерых его ребят уделали, тогда, в восьмом классе, помнишь?

– Помню, – улыбка Сашки стала ярче. – Вдвоем на пятерых.

– Ну. Тогда что нам Афган?

– По плечу.

– По плечу, – согласился я.

– Э, братья-акробатя, – подошел ефрейтор, тормозивший до этого других отбывающих, – кончайте прощаться. Машина ждет.

– Ща, бегу, – буркнул Сашка.

Ефрейтор глянул на Сашку недоверчиво и добавил:

– Шустрее.

А потом потопал между нарами, подгонять остальных, кто собирался.

– Ладно, побегу, – Сашка накинул куртку, хотел было уже отправиться к каптерке, но замер. – Паш?

– М-м-м-м?

– А правильно ли это?

– Что?

– Что мы с тобой на этот хитрый фортель пошли.

– Ты ж всегда хотел в ВДВ, – улыбнулся я.

Он покивал.

– Спасибо, – сглотнул Сашка тяжелый ком. – Но разве тебе самому не хочется...

– Не хочется. Иди.

Сашка поджал губы, кивнул. Побежал в открытую каптерку за своей сумкой. Я наблюдал, как прапор построил всю команду в коридоре, за дверью казарм. Потом их повели на плац.

Я медленно, чтобы не разбудить остальных, пробрался к маленьким окнам, что глядели во двор сборного пункта. На плацу ребят уже ждал автобус З8АС. Свет фонарей, смотревших на машину со здания казарм, освещал ее мокрый от дождя зеленый кузов.

У машины их уже ждал майор Сапрыкин со своим лейтенантиком. Команду построили, несколько раз пересчитали, и призывники стали грузиться в автобус. Спустя полминуты его двигатель рыкнул, и З8АС покатился по плацу, миновал ворота и исчез в темноте краснодарских улиц. Я наблюдал, как часовые закрыли за ним массивные створки ворот.

– Ну все, Сашка, – прошептал я тихо, – я сделал все, что мог. Теперь уж и ты меня не подведи. Выживи.

В автобусе шумело. Старлей Машко ругался на призывников, подгонял оставшихся ребят занять свои места в автобусе.

Я вошел и сел одним из первых. Занял крайнее заднее место. Вася Уткин приземлился рядом, устроил свой баул на коленях.

– Ну что, Саш? – обратился он. – Увезли братца твоего?

– Увезли. Час назад.

– Серегу тоже, – пробасил здоровяк немного обиженно. – Даже не попрощался, сучок. Обиделся, что я к вам с братом подсел. Я ему талдычу: ты им спасибо скажи, что тебя осадили. А он, знай, только и болтает про то, как ему запахло у всех сигареты стрелять. А все равно ж стрелял.

– Скоро бросит, – улыбнулся я. – Побегает чутка по полигонам и бросит.

– Да ну, он с двенадцати лет, как паровоз.

– Э, слышь, паря, – вдруг раздался нахальный голос.

Это позвали щекастого Мамаева, усевшегося на сиденье перед нами.

– А? Чего? – испуганно пискнул Мамаев.

Окликнул его здоровенный полноватый детина, имени которого я не знал. Да и не общался я с ним, в общем-то.

Не очень высокий, но широкий в теле парень носил свитер под ватную фуфайку и наполненные в ляхах брюки-клевш, которые будто бы были ему узковаты. У здоровяка было овальное, с округлыми чертами лицо и нос картошкой. Коротко остриженные черные волосы топорщились ежиком.

За спиной здоровяка были еще два парня: жилистый, похожий на беспризорника с бандитской рожей, и другой, рыжий, с обильно посыпанным веснушками лицом.

– Да хотел поинтересоваться, – изображая воспитанность, нахально продолжал круглолицый, – место нам с пацанами не уступишь?

Мамаев удивленно заморгал, не зная, что ответить.

Рыжий с беспризорником посмеивались за спиной круглолицего. Вальяжно стояли руки в брюки.

– Ты войди в положение. Нам просто спереди ехать неудобно.

– Ага, – встрял беспризорник, – укачивает.

– Да не вопрос, пацаны, – заискивающе развел руки Мамаев, – ваще не вопрос. Садитесь, конечно.

Он подвинулся, прижавшись ближе к окну.

– Да ну не. Мы вчетвером на лавку не влезем, – кивнул ему круглолицый, – а я с моими товарищами ну никак расставаться не могу, сам понимаешь. Дружба!

Мамаев растерянно поглядел по сторонам. Потом молча выполз со своего места, встал, беспокойно оглядываясь. Довольная тройца загрузилась на его лавку, зашепталась.

– Э! – свистнул я легонько, привлекая внимание Мамаева. – Садись тут. У нас еще место есть.

Большинство ребят уже расселись и заталкивали свои сумки под сиденья. Мамаев неуклюже стал пробираться к задним местам, присел третьим на нашу лавку.

– Спасибо! Спасибо, пацаны!

– Зря ты им уступил, – пробурчал Вася Уткин.

– А? – не понял Мамаев.

– Зря, говорю, уступил.

– Да мне несложно, – рассмеялся он, как бы оправдываясь. – Человека, вон, мутит в машине. Как же ему не помочь?

– Никого из них не мутит, – сказал я.

Нахальная троица сидела прямо перед нами. Они шептались, посмеивались, бренчали под лавкой стеклом. Наверняка бутылкой водки, которую они раздобыли неизвестно где. Впрочем, я почти сразу узнал, откуда у них взялась синька.

– Все вокруг колхозное, все вокруг мое! – хвастался своим друзьям круглолицый.

– Ну, – подтвердил беспризорник, – а че каптер ее бросил на самом видном месте? Теперь, небось, ломает голову, куда делась.

– Да ладно, он же сказал, что мутит, – Мамаев глянул на меня наивным, почти детским взглядом.

На это я ему ничего не ответил. Стало мне очевидно, что если щекастый парнишка и дальше будет под всех прогибаться, самые мурые будут на нем ездить, как только можно.

Благо дедовщины в то время в погранвойсках почти не было. По крайней мере в заставах на афганской границе. Все, попав туда, быстро понимали, что тут идет война. Что с тем «духом», которого ты сегодня чмыришь, завтра можешь оказаться в одном окопе. И будете вы вместе стоять против других, афганских, духов, которых так просто уже не зачмырить. А вот учебка – дело другое.

Значило это, что Мамаеву будет нелегко в погранвойсках. Нет, солоно он, за свой мягкий характер, хлебнет как надо еще в учебном центре.

Автобус тронулся, и мы поехали на вокзал. Минут через десять уже не гражданские, но еще не военные, наполненные автобус, захрапели. Стали досыпать, пока есть время.

Я не спал. Думал. Скоро я окажусь в учебном центре, затем отправлюсь на заставу. Предстояло мне ни много ни мало, а выжить, раз уж занял я братово место. Но это только полбеды.

В своих мыслях я уже окрестил четырнадцатую заставу Шамабад печально известной. А все потому, что она такой и была. Не пройдет и месяца после исчезновения брата, как духи обстреляют заставу из минометов с противоположного берега Пянджа. Следом переправятся через не буйную в этих местах реку их штурмовики, и на заставе завяжется жестокий бой, в котором погибнет много славных ребят. В том числе и почти весь офицерский состав заставы.

А все для того, чтобы под шумок другая банда духов пересекла границу и вышла к Даштиджумскому ущелью, которое прикрывал собой левый фланг участка заставы Шамабад.

Через ущелье духи легко могли углубиться на территорию СССР, в самый тыл пограничного заслона. А там уже, бог знает что им было нужно.

Еще в своей прошлой жизни не раз и не два обращался я к любой информации, которую мог найти о тех событиях. Позже, уже в десятых годах, когда стал я с интернетом на ты, нашел много интересного.

Сейчас я знал ход боя при Шамабаде почти досконально, благо сведений о нем было много. Знал, что духи тогда, перед нападением, долго хитрили, стараясь водить местных особистов за нос: кормили дезинформацией, ходили в ложные вылазки, чтобы отвести внимание погранцов. Даже обстреляли соседнюю тринадцатую заставу «Хирманджоу» с теми же целями.

В общем, наши «западные друзья» неплохо так поднатаскали местные банды моджахедов. Казалось мне, что была в этом какая-то системность, а может, даже и план. Это был пазл, большую часть кусков которого я не видел.

Кроме того, из головы у меня не уходила идея о том, что пропажа Сашки в те годы была прямо связана со всеми последующими событиями. Раз уж мне выпал шанс заново прожить жизнь, то будет теперь возможность и во всем разобраться.

В половину седьмого утра нас высадили на вокзале «Краснодар 1». Билеты, как я понял, на всю команду старлей купил заранее.

Высидевшись из машины, мы построились, Машко нас снова пересчитал и повел в здание вокзала. Оно, построенное в стиле «Сталинского ампира», венчалось высокой башней с часами.

Мы прошли в большой сводчатый зал, из него к путям, а оттуда к платформе номер два, где нас уже ждал поезд.

Никто из призывников, конечно же, не знал, куда мы едем. Ни старлей, ни его сержант с птичьей физиономией, не спешили рассказывать, где лежит конечная точка нашего пути. По этому поводу в команде строили догадки и предположения.

Еще в здании к некоторым из призывников прилипли провожающие. Мамки, папки и братья с сестрами тащились за нашей командой, и лейтенант не успевал их отгонять.

– Товарищи провожающие! – кричал он. – Времени нету, попрощаетесь на платформе!

У поезда нас построили, снова пересчитали, и лейтенант сунул проводнику – мурого вида армянину – билеты. Армянин принялся пересчитывать нас, что называется, «по головам», а после отправил в вагон.

– Федечка! Федя!

Я обернулся на зычный голос, ярко выделявшийся в вокзальном гуле. Кричала полная женщина, бежавшая по железнодорожному переходу. Немного поотстав от нее, важно топал пузатый мужчина с пушистыми усами.

– Ма! – кинулся к ним Мамаев.

– Федечка! – Мамаев прижалась к сынку, стала целовать его лицо куда попало.

– Света, ты давай не надо, – бурчал ей усатый мужик, – ну чего ты?

Женщина, казалось, его и не слушала, только наставляла Мамаева, сунув ему большую сумку, как я понял, с едой:

– Вот тут и яйца вареные, и курочка! Ты ешь сам, ни с кем не делись, а то отымут!

– Ага, хорошо, мам, – соглашался на все щекастый Федя Мамаев.

– Жрать хочется, – пробурчал Уткин, наблюдая за этой сценой.

– Тебя не провожают? – спросил я.

– Не-а, – как-то печально ответил он.

Спрашивать почему я не стал, Вася добавил сам:

– Да некому меня провожать. Детдомовец я. А твои чего?

– Мои уже проводили, – с теплотой в голосе сказал я, – дома. Ну и хватит уже.

Когда старлей разогнал провожающих и стал грузить нас в вагон, тот оказался пустым. Хотя снаружи и было холодновато, в плацкартнике стоял затхлый воздух. «Качественный» запах носков и немых тел ударил в нос.

По местам нас рассадили быстро. Мне повезло. Досталось купейное место, нижнее левое. За две «купешки» от нас расположилась веселая компания, согнавшая Мамаева с его места в автобусе.

Хоть сначала их и рассадили вразнобой, хитрецы быстро поменялись местами с другими призывниками, пока старлей ушел к проводнику. Сержант же, оставшийся ждать с нами, кажется, не возражал.

Правда, чуть позже с ними произошел небольшой скандал. Старлей по пути в другой вагон, где у него было купе, застукал троицу за распитием спиртного. Те, явно не отличаясь умом, решили бахнуть прямо сейчас – видать, чтоб лучше спалось. Машко наорал на них и отобрал бутылку, погрозившись вылить содержимое в унитаз. Правда, не вылил. Я видел, как он припрятал водку под шинель и благополучно покинул вагон.

– Во вытворяют, – сказал мне тот самый смуглый худощавый парнишка, что на плацу рассуждал про таджичек и славяночек. Ему досталось нижнее место напротив. – Хоть бы до обеда подождали, – добавил он, понаблюдав, как Машко отбирал бутылку. – А бутылочку-то припрятал. Видать, чтоб не заскучать.

– Скучать ему тут не придется, – сухо зато ответил я.

– О, а я тебя помню! Ты ж из этих, из братьев-близнецов, что тому белобрысому сигареты растоптали.

Я хмыкнул.

– Слышал уже?

– Ага, – покивал тот. – Знаешь, какой белобрысый злой ходил? Ну прям как собака.

– Ниче, ему полезно будет, – улыбнулся я.

– А меня Димой зовут, – смуглый протянул мне тонкокостную руку, – Ткаченко.

– Саша Селихов.

– Ну, будем знакомы, Саша. Кстати, ты мне скажи, у тебя три рубля есть?

Ответить на этот вопрос я не успел, потому что к нам притопал Вася Уткин.

– Ну чего у вас тут? Свободно? – спросил он.

– Свободно, – я кивнул. – Наверх запрыгивай.

Когда Васька разместился, Дима немедленно осведомился, есть ли у него три рубля. Вася ответил, что есть.

– А тебе это зачем? – спросил он, подсаживаясь на нижнюю, ко мне.

– Ну как зачем? Чтоб нам с вами, мужики, в поезде ехать было веселее!

Поезд тронулся, и мы почувствовали характерный толчок. Спустя минут двадцать пути лейтенант разрешил нам поспать. Все стали укладываться.

Когда я проснулся, навскидку было часов девять утра. Солнце, висевшее низко над горизонтом, в прогалине туч, ярко слепило через окошко. В вагоне было бы тихо, если б не гул колес поезда.

К моему удивлению, Дима не спал. Он раскладывал какой-то карточный пасьянс на приставном столике.

– О, проснулся? – спросил он с интересом. – Ты как? В карты играешь?

– А не боишься, что попадешься? – ответил я.

– Ай... – Дима отмахнулся. – Это у меня старая колода, еще со школы. Уж если на девятке не отобрали, то тут и подавно.

На это я только пожал плечами. Встал и потопал к умывальникам, чтобы освежить лицо, ну и заодно заглянуть к проводнику за открывалкой для консервов. Все же, как ни крути, а есть хотелось.

– Слышь, паря, – одернул меня кто-то, когда я протискивался между купейными местами и боковушками. – Ты куда? Не до проводника?

Оказалось, зовет меня именно тот, круглолицый. Его компания уже сидела внизу и покуривала прямо в вагоне. Только один призывник, что явно не крутился у них в компании, все еще спал на верхней полке.

– А что ты хотел?

– На вот, – он сунул мне несколько трехрублевых купюр, – метнись-ка, купи нам пузырь у проводника. Тебе ж все равно в ту сторону.

Его дружки ухмыльнулись. Великовозрастный беспризорник даже почему-то мерзковато захихикал.

– Надо водки? Сам сходи.

Круглолицый помрачнел. Ухмылки сдуло и с лиц его дружков.

– Ну тебе что, впадлу товарищам помочь? Метнись. А то мы еще не расходимся. Рано. С этими словами круглолицый потянулся до хруста в суставах.

– Ну вот как раз и расходишься, – бросил я и просто пошел дальше.

Почувствовал, как по моей спине зашарил враждебный взгляд круглолицего.

На обратном пути я встретил Мамаева, он шел к проводнику, теребя в руках несколько купюр, и выглядел при этом каким-то взволнованным.

– О! Сашка, здорово, – как-то повеселел Мамаев, – а я все не видел, куда ты сел. Решил, что в самом носу вагона поселился.

– Нет, в середине.

Я глянул на холеные ручки Мамаева. Он нервно теребил несколько трехрублевок, беспокойно потирая купюры большим пальцем.

– За водкой, что ли? – спросил я.

– Ага, – тихо ответил Мамаев и оглянулся. – Да пацаны попросили сходить. А мне-то что? Мне несложно. Я все равно собирался пойти умыться.

– Очередь там.

– Ну ничего, я подожду!

– Ты сам-то пьешь?

– Да... да не очень, – растерянно пролепетал он.

Я нахмурился. Признаюсь, был этот Мамаев похожим на Сашку. В детстве, лет до десяти, Сашка тоже был робким и закрытым. Как бы это сейчас сказали «маминим». Часто мне приходилось защищать младшего брата и в детском саду, и в начальной школе.

Это я все детство был с шилом в одном месте, дворовый, что называется, пацан. К папке на гараж часто ездил, а Сашка вот не хотел. Стеснялся.

Благо потом брат поменялся. Стал больше времени со мной проводить, посмелел, драться научился. Уж тогда мы с ним стали друг за друга по-настоящему стоять, если надо.

А Мамаев, несмотря на вполне совершеннолетний возраст, вел себя на манер того самого маленького Сашки. Робость и неуверенность в своих силах так и плясали в испуганных глазах Федора.

Во мне что-то щелкнуло. Решил я, что один, в суровой действительности армии, да тем более на Афганской границе, может этот растяпистый парень и пропасть. Да нет, точно пропадет, если позволяет всем на себе ездить.

– Тебя заставили сходить за синькой. Так?

Сашка смущенно опустил взгляд.

– Ну... Ну а че? Мне несложно.

– Так. Дай-ка мне деньги сюда.

Глава 6

- Зачем? – испугался Мамаев.
- Дай-дай. Не отберу.
- Мамаев медленно протянул мне трехрублевки.
- А теперь пошли к твоим новым друзьям.
- А пузырь где? – с наездом спросил кругломордый, когда мы с Мамаевым вернулись к их купешке.
- Чего такое, Сеня? – подался к нему худощавый беспризорник.
- Оба зло уставились на нас.
- Хотите водку жрать, жрите, – сказал я и кинул деньги на лежанку кругломордого, названного Сеней. – Нечего к другим цепляться.
- Перепуганный Мамаев мялся у меня за спиной.
- А вон, видишь че, шкет? – мрачно заговорил кругломордый. – Товарищескую помощь нам отказываются оказывать. Нету в них духа коллективизма.
- Он медленно встал, под мерзковатые смешки дружков.
- Значит, смотри. Давай я тебе кое-что объясню, умник ты наш...
- С этими словами кругломордый взялся за пуговку на воротнике моего свитера, стал ее шевелить.
- Короче...
- Сеня не успел договорить. Я схватил ему руку, резко дернул, заломил, завел за спину.
- Ай, мля! – крикнул он, когда я сильнее выкрутил ему запястье.
- Друзья кругломордого повскакивали со своих мест. Все вокруг, кто нас видел, напряглись: зашевелились или встали с лежанок. Испуганный Мамаев отступил на шаг.
- Пусти! Больно! – орал кругломордый Сеня.
- Что, – начал я, – еще ни дня не отслужили, а уже под дедов косите?
- Пусти! – не унимался он.
- Впечатленные моей быстротой, его дружки не спешили вмешиваться.
- Значит, слушать меня сюда, – я заговорил командным тоном, – если еще хоть раз увижу, что вы кого-то под себя прогибать собираетесь, рожи разукрашу так, что мама родная не узнает, усекли?
- Кореша кругломордого молчали. Сам он только постанывал и просил отпустить.
- Усекли, я спрашиваю?
- Усекли, усекли... – протянул кругломордый.
- Ну и отлично.
- Руку пусти...
- Я толкнул Семена и тот бухнулся на свое место, чуть не задев великовозрастного беспризорника по прозвищу Шкет. Все трое уставились на меня волками.
- Вещи твои где? – обратился я к Мамаеву.
- Вон там, на верхней полке...
- Забирай. У нас место есть. С нами поедешь.
- Мамаев поколебался полсекунды, потом полез наверх, забрал свои сумки.
- Спасибо... Снова ты меня выручаешь, – проговорил он тихо, когда мы отправились к своей купешке. – Если уж по-честному, то как-то мне с этими троими неуютно было.
- Не научишься за себя постоять, так и будут на тебе все ездить, понял? – спросил я.
- П-понял. Ну я ж человек мирный... Я...
- Ты в армии теперь, – обернулся я. – Так что придется научиться.

– Я постараюсь, – промямлил он, помолчав пару мгновений. – Но все равно тебе благодарен, что ты за меня заступился.

– Я хочу спокойно доехать хотя бы до пересадки, – уклончиво ответил я. – А эти трое черт знает что о себе возомнили. А я очень не люблю людей, которые черт знает что о себе мнят.

– До пересадки? А что будет на пересадке? – спросил Мамаев.

– Вот, тут падай, – я указал ему на свободное верхнее место, – спокойно покамест поедешь.

– Саня, ты там чего? – спросил Вася Уткин, когда пропустил меня к окошку. – Что там у вас за буча была?

– Да там пацаны одни, – вместо меня стал отвечать будто бы посмелевший Мамаев, – стали нас с Сашкой заставлять купить им водки. Самим лень идти, сидят да курят. Ну а Сашка и не согласился.

– Я было хотел помочь, – ответил Уткин, – да увидел, что у тебя, Сашка, там все на мази, ну и лезть не стал.

– Правильно сделал, – ответил я, глядя, как за окном пробегают осенний желтый и полуголый лес.

Дальше ехали нормально, без «внештатных» ситуаций. Болтали, поиграли в дурака. Смуглокожий Дима ближе к обеду сбегал за водкой, на которую мы втроем сбросились. Ребята выпили, а я поддержал. Много пить я не собирался, так, чуть-чуть. Чтобы не отбиваться от коллектива.

– Сержант сказал, к шести часам доедем до Волгограда, – начал Дима, занюхав рукавом очередные пятьдесят грамм. – Там будет пересадка.

– Никто не слышал, куда едем? – спросил Уткин.

– Пацаны поговаривают, на Афганскую границу, – пожал плечами Димка. – Да только черт их знает, правда это или брешут.

– Надеюсь, брешут, – вздохнул Уткин. – Там щас ой как беспокойно. Даже на границе.

Ох, Вася, Вася. Это еще мягко сказано, насколько беспокойно. Пока, конечно, пограничники по большей части оставались на границе. Территорию Афганистана топтали только немногочисленные сводные отряды, гонявшие там бандитов.

Лишь в восемьдесят первом году их реорганизуют, и по афганской земле покатаются на броне личные составы застав, соединенные в мотоманевренные группы. Это и можно считать тем самым моментом, когда пограничные войска поведут настоящие боевые действия.

– Ниче, скоро узнаем, – проговорил я, не желая плодить новых слухов.

– А хорошо едем! Вагон, считай, почти пустой! Только наша команда тут и сидит! – потянулся Дима.

– До поры до времени, – пробурчал Вася. – Сейчас, как будет пересадка, небось напихают нас в новый поезд, как селедку в банку. Вот тебе комфорт и кончится.

– Да это ладно, – отмахнулся Дима. – Главное, чтоб с нами дембеля не попали.

– Дембеля? – удивился Вася. – А чего им с нами делать? Щас же не лето, не ранняя осень. Дембель уже все, дома сидит. Уже разъехался кто куда.

– Сейчас война, – сказал я. – Демобилизацию часто откладывают. Бывает, что летние служат до зимы. А зимние и вовсе только в следующем году уходят.

– Во-во, – покивал Дима, – Саша дело говорит. А я про них наслушался. У меня друг есть со школы. У него старший брат работает проводником.

– И че? Возил дембелей? – заинтересовался Васек.

– Ну, – важно кивнул Дима. – Прошлым летом к нему набилось человек сорок в вагон. Да еще и водки с собой приперли... двенадцать ящиков. Так он перепугался так, что замкнул вагон и всю дорогу от них в своем закутке прятался.

Вася хохотнул, сунул мне бутылку, но я отказался, оставил свой стакан.

– И не зря прятался, – продолжал Дима. – Дембеля напиль, выбили окно, поломали унитаз, а дверь туалета вообще пропала, что ее ни в поезде, ни на станциях, ни на обратном пути не нашли. Рассказывал, тех дембелей на первой же остановке, после ихнего кутежа, милиция вывела. Нарядов двадцать туда приехало, чтоб их из вагона выковырять!

– Да иди ты, – заслушался Вася.

– Я те зуб даю!

– Во история, – Вася рассмеялся.

– Ну!

Поезд замедлился.

– Прибываем к станции, – сказал я, видя, что за окном появились приземистые домики какого-то поселка.

Спустя минуту старлей Машко зашел в наш вагон.

– Внимание, бойцы! Остановка двадцать минут! Кому покурить надо или еще что, можно выйти на пятнадцать минут. За пять минут до отправки чтоб как штык возле вагона! Всех пересчитаю! А кто отстанет, мне плевать как, но поезд будете своим ходом догонять!

Поезд остановился на небольшой станции маленького городка.

Вася приоткрыл окно, чтобы запустить свежий воздух. Во время пути открывать их не разрешали.

Под окно подковыляла какая-то бабушка с баулами. Поставив сумки, раскрыла их. В одной я заметил сушеную рыбу, в другой, как я понял, были то ли пирожки, то ли пышки.

– Ну чего вы, сынки, – спросила она Васю, когда увидела в окне наши физиономии, – вы куда едите? В армию, аль тюрьму?

– В армию, бабушка, – отозвался Вася с улыбкой.

– В армию? А пирожков вам не надеть? Теплые!

Вася спросил у всех, не хотим ли пирожков. Никто желаний так и не изъявил.

Команда, под присмотром уже слегка помятого сержанта с птичьим лицом, стала выгружаться из вагона. На лице некоторых призывников уже было ясно видно, что они под градусом, да только старлей не стал обращать на это внимания. После очередной перекички он отпустил нас на станцию.

Я выбрался на приятный после затхлости плацкарта, прохладный воздух. Тут было многолюдно. Народ толпился на платформе, торопился загрузиться в вагоны.

– Ты куда, Саш? – спросил Уткин, когда я пошел к станции.

– Пойду гляну, может, чего тут есть съестного.

Паек я хоть и начал, но понимая, что ехать нам еще о-го-го, берег его, стараясь перехватить, что получится. Пообедали мы, кстати, вареной курицей, которую нам щедро положил на стол Мамаев. Видать, решил он мамкиному наказу не следовать.

– Давай, я с тобой!

Есть не то чтобы хотелось, но про запас взять чего-нибудь не помешало бы. Так, у одной старушки я прикупил целую жареную курицу и несколько яблок. В автолавке, развернувшейся у здания станции, купил минеральной воды.

– Постой тут, отойду, – сказал я Уткину, который покупал там сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.